Ошибка
леди Эвелин
Делия Росси
16+

Дарштейн

Делия Росси

Ошибка леди Эвелин

«Автор»

2020

Росси Д.

Ошибка леди Эвелин / Д. Росси — «Автор», 2020 — (Дарштейн)

Когда новая опекунша, герцогиня Авенау, забрала меня в Амвьен, моя жизнь полностью изменилась. Богатый дом, красивые наряды, балы и знакомства. Казалось бы, живи да радуйся. Но так ли бескорыстна доброта моей благодетельницы? И так ли безобидны ее намерения? Ответы на эти вопросы мне только предстоит узнать. А судьба уже готовит очередное испытание и встречу с человеком, от которого зависит не только мое будущее, но и моя жизнь.

© Росси Д., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава 1 5
Амвьен. 1913 год 5
Глава 2 27
Глава 3 44
Глава 4 62
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Глава 1

Амвьен. 1913 год

Дождь лил не переставая. Капли барабанили по железному козырьку, отскакивали от него, вливались в поток, бегущий из водосточной трубы, растекались по двору. Две больших канавы по краям дороги не справлялись с напором, и площадь перед домом превратилась в настоящее озеро.

Я грустно вздохнула. Ненастье. Обычное кроненгаудское ненастье. Низкие серые тучи зацепились за шпили Амвьена еще вчера утром, и с тех пор так ни на дюйм и не сдвинулись. Висят и висят.

– Эви, ты долго будешь стоять у окна? Отойди, а то, не ровен час, продует.

В голосе леди Шарлотты прозвучало беспокойство. Интересно, искреннее оно или нет?

– Эви, ты слышала? – не отставала тетушка.

Хотя, какая она тетушка? Четвероюродная сестра моей матушки, по какой-то нелепой прихоти воспылавшая ко мне внезапными родственными чувствами.

– Эви? – в голосе леди Шарлотты прозвучал металл.

Когда опекунша переходила на «свинцовый тембр», благоразумнее было послушаться. Это я уже успела понять.

– Сейчас, – тихо сказала в ответ, а потом задернула занавеску, подошла к камину и протянула к огню озябшие руки. Тонкие, белые, изящные, забывшие, что такое физический труд. И то! Разве можно считать трудом вышивание картин и составление букетов? Или вклеивание в альбомы фотографий и устройство гербариев из засушенных цветов? Нет, конечно.

– Эви, подойди ко мне, присядь.

Леди Шарлотта легонько похлопала ладонью по дивану, указывая, куда именно я должна присесть.

– Да, миледи.

Оказавшись в опасной близости от своей благодетельницы, я почувствовала, как привычно засосало под ложечкой. Мерзкое ощущение. Вроде бы, ничего плохого не происходит, а ты все ждешь, ждешь, ждешь… И это ожидание сводит с ума, заставляя искать подвох даже там, где его нет.

– Дорогая, да ты вся дрожишь! – воскликнула герцогиня. – Мэри, принеси леди Эвелин теплую шаль, – обратилась она к служанке.

– Слушаюсь, миледи, – присела в книксене низенькая круглолицая Мэри.

Ее пушистые курчавые волосы, с которыми не могла совладать ни одна щетка, привычно выбились из-под наколки и застыли вокруг лица яркими рыжими всполохами.

– И скажи Марте, чтобы приготовила глинтвейн.

– Слушаюсь, миледи, – снова повторила Мэри и незаметно, как и подобает идеальной служанке, вышла из гостиной, а я настороженно покосилась на тетушку.

Леди Шарлотта выглядела уставшей. Резкие морщины в уголках рта, бледная кожа, мешки под глазами. Красивое, с правильными чертами лицо сейчас казалось слегка увядшим.

– Дай мне свою руку, Эви, – тихо сказала герцогиня.

Я протянула ладонь, и холодные пальцы впились в кожу запястья. В локоть словно ледяной молнией ударило, и я невольно дернулась, но герцогиня держала крепко.

– Завтра я отвезу тебя к портному, – искоса взглянула на меня леди Шарлотта. В ее черных, глубоко посаженных глазах отражалось кроненгаудское ненастье. – Выберешь парочку вечерних платьев.

– Разве у меня недостаточно нарядов?

Я удивленно уставилась на благодетельницу.

За те три месяца, что провела в Амвьене, я успела обзавестись целым десятком всевозможных платьев и костюмов. У меня за всю жизнь столько не было. Сколько себя помню, наша семья всегда едва сводила концы с концами, и даже деньги, что достались маменьке после смерти ее крестной, леди Грив, ничем не смогли помочь – они сразу же ушли в оплату долгов. Да у меня нарядного платья отродясь не водилось. А тут – и три прогулочных костюма, и пять вечерних платьев, и четыре утренних, и новое батистовое белье!

– Конечно, недостаточно, глупышка, – усмехнулась леди Шарлотта. Ее щеки слегка порозовели. – Тебе нужны еще как минимум четыре вечерних туалета, два костюма для верховой езды, ну и, разумеется, бальный наряд, – тонкие губы растянулись в улыбке. В глазах промелькнул жестокий темный огонек. Магия. Губительная магия Поглотителей.

Мне стало не по себе. Что, если однажды леди Шарлотта не сдержится и заберет мою жизнь? Вряд ли ее остановят родственные чувства – жила же она спокойно пять лет, зная, что вся моя семья погибла во время эпидемии виры, а меня приютила из милости леди Вонк? Вот, кстати, еще один вопрос, который до сих пор остается без ответа. Почему герцогиня вспомнила о нашем родстве именно сейчас? Сама она как-то сказала, что рассчитывает сделать меня наследницей своего имени и состояния, но мне с трудом верилось в подобную щедрость. И все три месяца я присматривалась и прислушивалась, пытаясь решить, что же на самом деле скрывается за щедростью леди Шарлотты, но приставать к ней с вопросами не решалась. Да и кто бы на моем месте решился?

– Ты боишься меня, Эви? – словно почувствовав мой страх, тихо спросила леди Шарлотта. А может, и почувствовала? Что я знаю о Поглотителях? Что вообще мы все о них знаем? В Кроненгауде не принято говорить о магии темных, не любят они, когда кто-то пытается раскрыть их тайны, потому и не приветствуют лишние разговоры и расспросы.

– Нет, миледи, – ответила я, настороженно глядя в пугающе черные глаза.

– Надеюсь, это так, и ты мне не лжешь, – в тихом надтреснутом голосе послышалась грусть. Она казалась такой искренней, такой неподдельной.

– Нет, миледи, – снова ответила я, стараясь, чтобы это прозвучало достаточно убедительно, а сама задумалась. Как же все-таки узнать, для чего герцогиня вытащила меня из Аухвайне и поселила в своем доме?

– Ты хочешь меня о чем-то спросить? – проницательно посмотрела тетушка.

Интересно, как ей это удается? Стоит только о чем-то подумать, а леди Шарлотта уже об этом знает!

– Да, миледи, – собравшись с духом, ответила я и вскинула голову. Глупая привычка, оставшаяся с детства. Маменька постоянно ругала меня за нее, но так и не смогла до конца искоренить «зловредный сорняк» в моем воспитании. К слову сказать, леди Вонк это тоже не удалось, хотя методы у нее отличались от матушкиных большей радикальностью.

– Ваша магия.

Я посмотрела на герцогиню и постаралась придать лицу наивное выражение.

– Вы расскажете мне…

Договорить я не успела. Черные глаза затянуло льдом. Бледные губы сжались в тонкую полоску.

– Мы не будем говорить о магии, Эвелин, – голос тетушки мог заморозить воду.

Я даже покосилась на стоящий на стеклянном столике графин, и мне почудилось, что на его хрустальных стенках появилась изморозь.

– Я предупреждала тебя, что ты не должна задавать лишних вопросов.

Казалось бы, высокий мелодичный голос и так звучал невыносимо холодно, но с каждым новым словом он становился просто невозможно ледяным.

У меня по спине пробежали неприятные мурашки.

– Ты слышишь, Эвелин? – тонкие пальцы сжались сильнее, и острые ногти пронзили кожу запястья.

– Да, миледи.

Ох, как же мне хотелось вырвать ладонь из захвата герцогини! Но я не смела.

Минуты бежали одна за другой, рука занемела, тишина казалась давящей.

– Иди к себе, Эви, – неожиданно сказала леди Шарлотта и выпустила мое запястье.

– Леди Эвелин, ваша шаль.

Мэри возникла рядом так тихо, что я вздрогнула и отшатнулась. Шелковая бахрома мазнула по кисти. На секунду мне показалось, что меня коснулась холодная змея, но я постаралась успокоиться и молча взяла у служанки расшитый яркими цветами палантин.

– Глинтвейн будет готов через минуту, миледи, – доложила Мэри.

– Отнесешь его в мою комнату, – тихо сказала леди Шарлотта и отошла к окну, словно не желая меня больше видеть. А может, так оно и было?

– Темной ночи, леди Шарлотта, – сказала я прямой, обтянутой пепельным атласом спине.

– Темных снов, Эви, – послышалось в ответ традиционное пожелание, но в голосе герцогини не было ни капли былого тепла.

Я смотрела на застывшую на фоне серого квадрата окна худощавую фигуру, в который раз пытаясь понять, что представляет из себя моя тетя и чего от нее ждать. Если бы разобраться в этом было так просто!

– Принести глинтвейн к вам в комнату, леди Эвелин? – тихо спросила меня Мэри.

Она была милой девушкой и всегда старалась прислушиваться к моим желаниям.

– Не нужно, – также тихо ответила я, и пошла к выходу.

***

В отведенной мне комнате было прохладно. Дрова в камине громко трещали, обещая жарко натопить большую, вытянутую в длину спальню, но, как и всегда, эти обещания оставались пустыми, а комната – холодной. Наверное, по-другому тут и быть не могло, ведь леди Шарлотта, как и большинство аристократов, не признавала технического прогресса, называя его «зловонной отрыжкой человеческого разума», и, соответственно, не пользовалась его плодами. И это в то время, когда в Амвьене уже многие обзавелись котлами, отапливающими дома при помощи нагревающихся пластин, а яркие бирольные лампы заменили старинные магические ары! И почему Высшие так привержены унылой старине?

Я привычно поежилась, плотнее закуталась в шаль и подошла к письменному столу, на котором лежал раскрытый Атлас мира. Взгляд упал на огромную, выделенную жирной черной линией Дарт-Остенскую империю. Собственно, империей она стала не так давно. Еще десять лет назад на землях древней Экопеи было три отдельных королевства: Дартштейн, Кроненгауд и Остенбрюге. А потом дартский король Вильгельм воспользовался каким-то новым оружием, разработанным его магами, и захватил Кроненгауд и Остенбрюге, а за ними – и соседние Вакарию и Уждоль, и теперь империя занимает всю западную часть материка. Как говорил мой отец, дарты всегда были слишком жадными до чужого и любили прибрать к рукам то, что плохо лежит. Впрочем, чему тут удивляться? У нас в Кроненгауде даже поговорка есть – видишь дарта, перейди на другую сторону улицы, пока не попал в неприятности!

Я усмехнулась и перевернула лист. Вот наш Кроненгауд. Небольшой, состоящий всего из нескольких областей, каждая из которых выделена своим особым цветом. Взять, например, Кольдинг, один из северных уделов королевства. На карте он синий, как лед Вьены. Рядом с ним – желтый Ахгау, край бескрайних холмов и вересковых пустошей. А справа, у кромки Ненгаудского моря, – зеленый Штоллен. Там располагаются дорогие морские курорты и летняя

резиденция принца Альберта. А вот мой родной Артам. Темно-серый, как пыль на улицах его городов.

Я провела пальцем по извилистым линиям границы и коснулась маленькой черной точки. Аухвайне. Небольшой шахтерский городок, в котором я прожила все девятнадцать лет своей жизни. Интересно, леди Вонк нашла кого-нибудь на мое место? Вспомнилась крошечная комнатушка на чердаке, хрусткий лед в тазу с водой и треснутый кувшин для умывания, темное бумазейное платье и грубый шерстяной фартук, которые я надевала каждое утро, прежде чем спуститься вниз и растопить печи и камины.

Я покосилась на глубокий, отделанный дорогим розовым мрамором очаг – не чета тем, что мне доводилось разжигать. Если бы он еще мог нагреть эту роскошную спальню!

Внутри мелькнула шальная мысль. Может, попробовать договориться?

Я с сомнением разглядывала пылающий огонь. Что будет, если леди Шарлотта узнает о моих необычных способностях? Вдруг они ей не понравятся? Или, наоборот, понравятся, и она попытается найти им применение? Нет, лучше не рисковать. Герцогиня Авенау – это вам не леди Вонк, у нее и мозгов, и магии куда как больше, и она с легкостью сумеет сложить два и два. Еще бы! Не может обычный бытовик общаться с огнем. Значит, что-то тут не так, и леди Шарлотта обязательно выяснит, что.

Пламя загудело, облизнуло желтое полено и, сыто икнув, выплюнуло на решетку золотые искры. Они вспыхнули, зашипели, рассыпались яркими точками, оставляя тонкий слой пепла – белого, с тлеющими красными глазками и мелкими черными завитушками.

Мне нравилось смотреть на огонь. Было в нем что-то волшебное, то, что будило внутри воспоминания детства: небольшую, уютную гостиную, маму, сидящую у окна и штопающую чулки, играющего с деревянными солдатиками Ульрика, папу, читающего взятую у соседа газету. Тер Олаф всегда делился с нами свежей прессой, потому что, как и папа, любил порассуждать о политике. «Вот что я вам скажу, лорд Браге, – говорил он, попыхивая трубкой. – Не доведет нас империя до добра, попомните мои слова». А папа соглашался с ним и повторял свою излюбленную поговорку про дартов, у которых слишком длинные руки.

Я вздохнула и подошла к камину. Эх, если бы можно было вернуться обратно в детство, снова увидеть родителей и брата…

Огонь осторожно подкатился к моим ладоням, словно принюхивающаяся собака, и в этот момент сквозь шум дождя я расслышала доносящийся снаружи слабый шорох. Что за чудеса? Любопытство толкнуло вперед, я прокралась к окну, осторожно отодвинула занавеску, приникла к стеклу и замерла, разглядывая лежащего под кустами можжевельника человека. Мужчина. Это был мужчина. Он скрючился под низкими хвойными лапами и смотрел на меня затравленным, измученным взглядом, каким смотрит обычно загнанный зверь. Дождь затекал за воротник его измазанного грязью сюртука, хлестал по лицу, крупными каплями падал с распущенных светлых волос на лоб и щеки, стекал по шее.

Единый, да он же едва живой! Откуда этот несчастный тут взялся? Как сумел пробраться мимо охраны?

Я разглядывала измученное лицо, невольно отмечая, что у мужчины красивые правильные черты и высокий лоб, и что, несмотря на плачевный вид, он явно не беден. Об этом говорил и покрой сюртука с модным острым воротником, и выглядывающая из-под него белая манишка. Правда, сейчас она была, скорее, серой, но это из-за дождя и садовой грязи.

Пока я рассматривала чужака, тот так же пристально рассматривал меня. Не знаю, что он увидел, но взгляд мужчины изменился, и в мою сторону протянулась рука.

«Помогите», – прочитала по шевельнувшимся губам.

Внутри что-то дрогнуло. Я бросила взгляд на правое крыло особняка, где светились окна тетушкиной спальни, подумала пару секунд, прикидывая, что могу сделать и как незаметно выбраться из дома и, накинув темный плащ, выскользнула в коридор. Боялась ли я, что незна-

комец может причинить мне зло? Немного. Но не откликнуться на отчаянный призыв не могла. Так было принято в моей семье – если человек в беде, ему обязательно нужно помочь. Жаль только, что когда мы сами оказались в беде, не нашлось никого, кто протянул бы руку, и болезнь унесла моих родных, которых можно было бы спасти, если бы у нас нашлись деньги на шергенскую настойку. Но их не было. И не только у нас. Виру не зря назвали «эпидемией бедняков». Лекарство, которое поднимало на ноги даже самых безнадежных, стоило тридцать золотых. Баснословная сумма. Не знаю, почему я выжила, доктора потом долго удивлялись, а я, очнувшись от липкого двухнедельного бреда, узнала, что никого из моей семьи больше нет. Ни папы, ни мамы, ни брата. И что все знакомые, к которым мама обращалась за помощью, ей отказали.

Наверное, именно тогда я и дала себе обещание никогда не проходить мимо тех, кому могу помочь.

В просторном холле было темно. Парочка аров были слишком тусклыми, чтобы осветить огромное пространство, и лишь парадная лестница таинственно поблескивала витыми позолоченными балясинами.

Я постояла немного, прислушиваясь к тишине особняка.

«Только бы тетушка не спустилась вниз, – стучало внутри. – Только бы не встретить никого из слуг!»

Мне повезло. Прислуга в этот час собиралась за ужином в подвале, а леди Шарлотта привычно читала перед сном в своей комнате.

Я осторожно вышла из дома, аккуратно прикрыла за собой тяжелую кованую дверь и пробралась вдоль стены под окна своей спальни. Мужчина был там. Он так и лежал, согнувшись каким-то невероятным образом, словно пытаясь слиться с ветками можжевельника, и заметить его в опускающейся на сад темноте было сложно.

– Кто вы? – спросила незнакомца.

Страх исчез. Остались только жалость и желание помочь. Да и чего бояться? Видно же, что этот несчастный сам смертельно напуган.

– Помогите, – попытавшись разогнуться, пробормотал мужчина. – Меня ищут. Я… Я не совершил ничего дурного. Пожалуйста!

Он побледнел, голос его звучал едва слышно, прерываемый стуком зубов, и я с трудом смогла разобрать произносимые слова.

– Кто вас ищет? Вы ранены?

– Нет. Пожалуйста…

Мужчина не договорил. Он опустил голову на руки и дышал так тяжело, как будто пробежал несколько десятков рье.

– Они найдут… и повесят меня… А я не делал… Не делал!

Последнее слово он выкрикнул хриплым шепотом.

И столько отчаяния слышалось за ним, столько боли было в усталых, покрасневших то ли от недосыпа, то ли от напряжения глазах, что я не стала раздумывать.

– Идти сможете? Я спрячу вас на конюшне. Переночуете и придете в себя, а завтра мы решим, что делать.

Мужчина шевельнулся и попробовал подняться, но пошатнулся и снова свалился в грязь.

– Подождите. Обопритесь на меня, я вас доведу.

Раньше мне часто приходилось сопровождать домой пьяного лорда Вонка. И зачастую нужно было попросту тащить его на себе, так что подобные «походы» были мне привычны.

– Вот так, держитесь за мои плечи. А теперь идем. Потихоньку. Осторожно.

Я переставляла ноги, придавленная тяжелым телом, и думала про себя, что за неполные три месяца уже успела отвыкнуть от обыденных «развлечений» моей недавней жизни.

– Аккуратно, тут яма, – предупредила своего подопечного, когда мы завернули за угол. – Потерпите, уже немного осталось.

Мужчина тяжело дышал и с трудом делал крохотные шаги, и мы передвигались гораздо медленнее, чем хотелось бы. Темнота была еще недостаточно густой, и я боялась, что нас могут увидеть. Мало ли – может, конюхи выйдут покурить, или лакеи надумают воздухом подышать? Но, слава Единому, все обошлось, и мы, никого не встретив, добрели до конюшни.

Высокие двери закрылись за нами, я щелкнула пальцами и затеплила маленький огонек. Он застыл в воздухе робкой светящейся точкой.

– Вот, тут вам будет удобно, – устроив незнакомца в одном из пустующих стойл, распрямилась и посмотрела по сторонам. В соседней, отделенной колоннами и дощатой стеной половине, стояли в загонах породистые дартские жеребцы. Они похрупывали сеном и изредка смешно пофыркивали, в дальнем углу старинной каменной конюшни еле слышно пищали мыши. А здесь, в карантинной половине, в которой обычно держали приболевших лошадей, было пустынно и тихо.

– Я сейчас принесу вам немного еды, а вода есть в бочке, она чистая. Если хотите…

Я зачерпнула ковшом и поднесла незнакомцу.

– Благодарю, милая девушка, – отдышавшись и отпив несколько глотков, поднял на меня глаза мужчина. – Если бы не ваша доброта…

Он не договорил, нахмурившись и настороженно подняв руку, словно призывая меня к молчанию. Я прислушалась. За стенами раздавался лай собак и грубые мужские голоса.

– Орсон, за кустами посмотри! – прозвучало совсем близко. – Он не мог уйти, тут тупик.

Так и было. Дом леди Шарлотты выходил на улицу Оллен-брау, которая заканчивалась высокой глухой стеной.

– Это они! – вцепившись в мою руку, прошептал побледневший незнакомец. – Не выдавайте меня, умоляю!

– Кто – они?

– Магический патруль!

На высоком лбу выступил крупный пот. Меня и саму едва в пот не бросило.

Патруль магов? Вот уж упаси Единый попасть к ним в лапы! Про Черную стражу в Кроненгауде ходили самые страшные слухи. И про бесчеловечные пытки, которые они применяли, и про Чтецов, выворачивающих сознание несчастных узников наизнанку, и про ужасы тюрьмы Саухвайне.

Я смотрела на мужчину, внимательно разглядывая его лицо. Как же он попал в лапы магстражи? Правильные черты, умные голубые глаза, ровные густые брови, светлая щетина на щеках. Как сказала бы леди Вонк, породу и под попоной не скроешь.

Что же он натворил? Впрочем, что бы он ни сделал, но выдать его черным мундирам – все равно, что обречь на верную смерть.

– Не бойтесь, – сказала как можно тверже и посмотрела на беглеца. – Здесь вас никто искать не будет.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Да и как могло быть иначе? Разве рискнет кто-то обыскивать дом герцогини Авенау?

Я прислушалась к приближающемуся лаю.

– Лежите тихо, я вас сейчас сеном прикрою, чтобы конюхи не заметили, но они обычно сюда не заходят. Главное, утром не шумите.

Конюшня у леди Шарлотты была особенной. Большая, построенная во времена Эдуарда Смелого, она казалась настоящим памятником эдвардианской архитектуры. Толстые стены, арки и колонны, барельефы на фасаде и скульптуры при входе. Не конюшня, а настоящий дворец!

– Вы действительно уверены, что меня не найдут? – в голубых глазах застыла тревога.

– Ведите себя тихо, и все будет хорошо. Сюда месяцами никто не заглядывает.

– Мне бы только пару дней отсидеться, а потом я уйду, – заверил меня незнакомец.

Я не стала ничего говорить. Окинула взглядом помещение, подумала немного, сгребла лежащее в противоположном углу сено поближе к мужчине и подтянула оставшуюся от Снежка попону.

– Давайте я вас прикрою. Так и теплее, и надежнее.

Беглец ничего не ответил. Он все еще напряженно прислушивался к раздающемуся за стенами лаю.

– Не бойтесь, вас не найдут. Главное, никуда не выходите.

Я еще раз посмотрела на вжавшегося в стену незнакомца, и пошла к выходу.

***

За воротами конюшни было прохладно. Дождь наконец-то стих, оставив после себя огромные лужи. Ветер пробрался под тонкий плащ, заставив поежиться, и я бегом припустила к дому, мечтая поскорее оказаться в тепле.

– Страут! Ты в кустах хорошо смотрел? – послышался из-за забора грубый мужской голос.

– Нет там никого! – ответил ему другой, низкий и простуженный, и его обладатель тут же закашлялся. – Проклятая погода! Угораздило ж треклятого висельника именно сегодня сбежать.

Висельника? Выходит, несчастного беглеца в Амвьен на казнь привезли? Святые небеса! Только этого не хватало!

В Амвьене – бывшей столице королевства – находилась тюрьма для совершивших преступления магов. Их свозили со всего Кроненгауда. Кто-то оставался в Саухвайне на долгие годы, а кого-то сразу казнили на Висельной площади. Там стоял почерневший от времени и пролитой крови эшафот, и редкий год обходился без очередного повешения или отсечения головы.

Вот и моего несчастного подопечного, видимо, привезли на казнь. Страшная участь.

Я осторожно, стараясь не шуметь, прокралась в дом и добралась до своей комнаты.

«Слава Единому, никто не заметил!», – с облегчением вздохнула, убирая магией приставшую к подолу грязь. Правда, не успела порадоваться своей удаче, как в дверь постучали.

– Да?

– Леди Эвелин, Ее светлость велели вам подойти в гостиную, – просунулась в открывшийся проем голова Мэри.

– А что случилось?

Я старалась говорить спокойно, даже немного сонно, а сама пыталась встать так, чтобы служанка не заметила влажный подол моего платья.

Но Мэри была так взбудоражена, что ничего вокруг не видела.

– Ох, леди Эвелин, там полный дом солдат! Говорят, висельник какой-то сбежал, опрашивают всех, не видел ли кто высокого худощавого тера в сером костюме.

Я постаралась выровнять сбившееся дыхание. Неужели стражники будут обыскивать дом?

– Ты иди, Мэри, я сейчас приду, – отослала я служанку, а сама, дождавшись, пока веснушчатое лицо исчезнет за дверью, с помощью простенького заклинания быстро привела себя в порядок, поправила растрепавшиеся волосы и вышла из комнаты.

В коридоре было шумно. Слуги встревоженно шушукались, в холле застыли двое стражников в ненавистных черных мундирах, перед гостиной толпились лакеи и горничные. Увидев меня, они моментально замолчали и расступились.

– Проходите, леди Эвелин, – поклонился дворецкий Гроу, пропуская меня вперед. Его лысина блеснула в свете ламп, как раскрашенный золотом праздничный орех. – Миледи вас ждет.

Я кивнула и вошла в распахнувшиеся двери. В нос ударило запахом мокрой псины и крепкого табака, а в глазах потемнело от заполонивших комнату солдат. Это от их промокшей черной формы шел такой неприятный одуряющий дух.

– Эви, – посмотрела на меня тетушка.

Она сидела в кресле у окна и опиралась на свою любимую трость из черного дерева. Тонкие, унизанные кольцами пальцы крепко сжимали серебряный набалдашник.

– Подойди, – тихо сказала герцогиня.

Она чуть повернула голову и высокий ворот старомодного пепельного платья распахнулся, открывая хрупкую белую шею. Большие выразительные глаза мрачно блеснули на бескровном лице. Они казались бездонными колодцами, наполненными черной, мерцающей водой, и я невольно поежилась, столкнувшись с ними взглядом. Пожалуй, никакой магстраже не сравниться с моей опекуншей в умении вызывать ужас! Казалось бы, всего одно движение бровей, а у меня между лопатками холодные мурашки бегут.

– Эвелин, эти теры хотят знать, не видела ли ты кого-нибудь из окна своей спальни?

Голос герцогини звучит тихо и устало.

– Кого, миледи?

Я посмотрела на тетушку, стараясь придать лицу простодушное и немного наивное выражение. С моей внешностью это было не так уж сложно. Светлые вьющиеся волосы, большие зеленые глаза, пухлые яркие губы, ямочки на щеках – кукла, да и только. Оставалось только почаще хлопать ресницами и не забывать изредка удивленно округлять рот.

– Мужчину, Эви, – герцогиня поморщилась, словно это слово причиняло ей боль.

– Нет, миледи. Я не видела никакого мужчину, – покачала головой и для пущей убедительности смущенно вздохнула и посмотрела на солдат. Как бы намекая, что предположение о том, что под окнами молодой девушки может находиться мужчина – просто оскорбительно. И они не смеют задавать мне такие вопросы.

Стражники неловко замялись.

– А что случилось? – дождавшись, пока они сполна проникнутся осознанием собственной вины, повторила свой недавний вопрос.

– Простите, Ваша светлость, но мы вынуждены будем осмотреть дом, – не отвечая на мой вопрос, нахмурился один из стражников. Высокий, крупный, с длинным горбатым носом и с красными нашивками на черном мундире, он, видимо, был тут главным и во что бы то ни стало хотел найти беглеца.

У меня внутри все сжалось. Если обыщут конюшню – мне конец! Надо что-то делать. Но что я могу? Как отвлечь стражей? Упасть в обморок? Скорчиться от боли? Устроить пожар? Или…

Я из-под ресниц посмотрела на тетушку. Неужели она позволит собой командовать?

– Исключено, – оправдывая мои ожидания, холодно произнесла леди Шарлотта. – В моем доме нет никаких висельников. И ни один из моих людей не посмел бы укрывать преступника.

Она голосом выделила эти «моих» и «в моем», как бы давая понять всю абсурдность подобного предположения. Все-таки я не ошиблась в оценке тетушкиного характера. Герцогиня не терпела, когда кто-то пытался диктовать ей условия, и именно это могло спасти моего подопечного.

– И все же, – не отставал носатый. – У нас есть полномочия проводить обыск в любом доме Амвьена.

– Тер Мерден, я потратила на вас достаточно времени. Если вы не знаете, мой покойный супруг был дипломатом, и на наш дом не распространяются законы о досмотрах и обысках.

Предлагаю вам немедленно удалиться, – тон герцогини стал нестерпимо-ледяным. – И людей своих заберите.

Она поднялась, отставила руку с тростью и надменно посмотрела на стражников.

– Ваша светлость, вы не понимаете, – попытался уговорить ее Мерден. – Сбежал важный государственный преступник, от поимки которого зависит благополучие всей империи. Если мы его не найдем…

– Я не намерена повторять дважды, – процедила герцогиня и посмотрела на замершего у дверей дворецкого. – Гроу, проводи теров за ворота и убедись, что никого из них не осталось в доме.

Она высокомерно посмотрела на застывших мужчин.

– Эвелин, а ты иди к себе, – достался мне чуть более мягкий взгляд. – Доброй ночи, дитя.

– Доброй ночи, леди Шарлотта, – поторопилась проститься я и торопливо выскользнула за дверь.

***

После ухода стражников в особняке еще долго было шумно. В коридоре первого этажа шептались слуги, по лестнице, вызываемые герцогиней, то и дело бегали горничные, слышался звон стекла и звяканье посуды – видимо, леди Шарлотта посылала девушек за нюхательными солями и шайской настойкой.

Я тоже не могла успокоиться и расхаживала по комнате, выжидая, пока переполох, вызванный вторжением солдат, сойдет на нет. Душа была не на месте. Как там мой подопечный? Только бы он не надумал выйти из конюшни! Только бы никто из конюхов не зашел в карантинную половину! Только бы стража убралась подальше от дома! Как много этих «только бы»…

Наконец, когда я уже извелась от волнения, слуги разошлись, и все звуки за дверью стихли. Выждав еще немного для страховки, я прокралась на кухню, достала из буфета оставшийся от ужина пирог с зайчатиной, отрезала большой кусок, прихватила бутыль с молоком и осторожно выскользнула из дома. Что ж, годы жизни в семье леди Вонк не прошли даром. Я умела передвигаться быстро и бесшумно, а если было необходимо – то и совершенно незаметно. Еще бы! Когда леди Вонк была не в духе – а она была не в духе пять из семи вечеров в неделю, – мне приходилось буквально сливаться со стенами, чтобы не попасться ей на глаза. Весь день леди Амалия проводила наверху, в своей спальне, а как только на Аухвайне опускалась темнота, моя «благодетельница» – как она сама себя называла – спускалась вниз и норовила излить дурное настроение на всех, кто попадался под руку. А кто под нее мог попасться? Либо я, либо кухарка, либо несчастный лорд Вонк. Вот мы и норовили сбежать куда подальше: лорд Вонк – в портерную, Милли – на кухню, а я – к себе в комнату.

Воспоминания заставили поморщиться. Нет, каким бы непонятным ни было мое настоящее, это все же лучше, чем терпеть бесконечные тычки и попреки.

Я дошла до угла, свернула на каменную дорожку и, оглядевшись по сторонам, припустила к конюшне. Мимо густых зарослей орешника, мимо одноэтажного домика, где жили работники, мимо большой каменной поилки для лошадей. Запыхавшись, добежала до дверей, юркнула в приоткрытую щель и остановилась, пытаясь разглядеть в свете магического светлячка своего подопечного.

– Эй? Вы здесь? – шепотом спросила у настороженно притихшей темноты.

В углу послышался шорох. Куча сена дрогнула. Из нее появилась рука, потом – голова, и на меня уставились настороженные глаза. Увидев, что я одна, беглец шумно выдохнул, отер со лба пот и без сил облокотился на беленую стену. Он был в измазанной кровью сорочке и неловко прижимал к груди ладонь.

– Не бойтесь. Я вам еды принесла. Вот, поешьте.

Я достала из кармана сверток с пирогом и сделала шаг вперед.

– Вот, поешьте

В то же мгновение в углу что-то ярко вспыхнуло, раздался громкий треск, и я зажмурилась. А когда открыла глаза, мужчины уже не было. Только на каменном полу валялся его перепачканный грязью сюртук.

Я смотрела на серые тряпки и сама не понимала, что чувствую. Страх? Немного. Удивление? Да, пожалуй. А еще – растерянность. Куда он делся? Это что – какая-то магия? Но ведь у незнакомца были голубые глаза, а это верный признак отсутствия дара.

В Кроненгауде существовала простая шкала одаренности, по которой легко определялся уровень магии – цвет глаз. Самыми сильными были черноглазые аристократы, входящие в Первую когорту магов и занимающие наиболее высокое положение в королевстве; сразу за ними шли обладатели карих глаз, принадлежащие ко Второй когорте. Как правило, все они были уважаемыми людьми, имеющими вес и влияние в обществе. Следом шли те, кто, как и я, имел зеленые глаза, – этакие середнячки, владеющие обычной бытовой магией. А вот те, чей цвет колебался от серого до голубого, не обладали даже зачатками магии. У нас, в Кроненгауде, таких было большинство. Но, в отличие от соседнего Дартштейна, отсутствие дара не слишком влияло на положение в обществе. Нулевики или схельды встречались и среди дворян, и среди торгового люда, и среди духовенства. Правда, высшая аристократия, к которой принадлежала леди Шарлотта, состояла исключительно из тех, кто смотрел на мир черными, как смола, очами.

Я зажгла огонек поярче и огляделась по сторонам. Как же незнакомцу удалось исчезнуть? Что это за магия такая? И почему он просил помощи, если мог сразу вот так исчезнуть? Непонятно. Но если его привезли в Саухвайне, тюрьму для магов, значит, он все-таки маг? Или нет?

Я подняла с пола сюртук и внимательно его осмотрела. Ткань дорогая, сразу видно, что сшито на заказ, а не в магазине куплено. Да вот же и бирка мастера – «Гаэр Рошельи». Один из модных остенских кутюрье, у него вся золотая молодежь Остенбрюге одевается, я сама слышала, как леди Вонк рассказывала об этом заглянувшая к ней в гости подруга. Та как раз вернулась из столицы Остена – Вассау, и спешила похвастаться полученными впечатлениями, ну а я, как всегда подслушивала за дверью. Это был единственный способ узнать, что происходит за пределами Аухвайне.

Пальцы мяли тонкое сукно, а я глядела на тонкую шелковую подкладку, на ровные стежки, на фигурные накладки и размышляла. Выходит, до того, как попасть в тюрьму, незнакомец жил в Остене и вел довольно обеспеченную жизнь? Очень интересно. Надо бы карманы проверить. Так, и что тут? Давно потерявший белизну батистовый платок, обломок булавки и тускло блеснувшая монетка. Полрена.

Я повертела потертый медяк и усмехнулась.

Что ж, буду считать это благодарностью за спасение. В моем положении даже эта мелкая монетка лишней не будет. Нет, я ни в чем не нуждалась, но леди Шарлотта никогда не давала мне наличных, а своих у меня не было. Впрочем, когда я жила у леди Вонк, у меня их тоже не было, так что сейчас я чувствовала себя едва ли не богачкой. На полрена можно купить большой кроненский леденец. Или кулек пармских орешков. Или… Нет, я потом придумаю. Сначала нужно от одежды избавиться. Кем бы ни был незнакомец и куда бы он ни испарился, лучше сделать все, чтобы от него не осталось никаких следов.

Я зажгла огонек поярче, переворошила сено, проверяя, нет ли там еще каких вещей, а потом придала ему прежний вид, выскользнула за двери и припустила к дому, молясь про себя, чтобы никто не заметил моих передвижений. Не хватало еще попасться!

Мокрая брусчатка скользила под легкими домашними туфельками, как каток в Аухвайне, с веток растущих вдоль дорожки кленов за шиворот падали холодные капли, теплая шерстяная шаль покрылась мельчайшей водяной пылью.

Мне повезло. Никем не замеченная, я прошмыгнула в дом и настороженно огляделась. Все тихо. В холле и в коридоре ни души. Дверь в комнату открылась бесшумно – все-таки недаром раз в неделю петли маслом смазывала, как чувствовала, что пригодится! Вот уж действительно, старые привычки так легко не исчезают.

Я достала из-под плаща бутыль с молоком и пирог, спрятала их на подоконнике, за шторой, а потом вытащила туго свернутый сюртук, кинула его в камин и замерла напротив, наблюдая, как неохотно принял тряпичное подношение огонь. Он лизнул влажный рукав и тут же отпрянул, пробежался по испачканному грязью воротнику и сердито чихнул яркими искрами.

– Ну чего ты? Не упрямься. Ешь скорее!

Наверное, кто-то скажет, что разговаривать с огнем глупо, но за годы жизни у леди Вонк я привыкла к жаркому собеседнику и даже научилась его понимать. Эта способность появилась у меня сразу после болезни. Правда, я никогда и никому о ней не говорила.

– Не хочешь? – посмотрела на свернувшееся клубком пламя. – Невкусно?

Сверкающий рыжий комок торопливо закивал и отполз к кирпичной стене.

– Ты хотя бы попробуй, – продолжала уговаривать упрямца.

Да, это вам не дом леди Вонк, где в каждом камине жил дружелюбный огонек.

– Ну?

Оранжевый язычок дрогнул, коснулся полы сюртука, недовольно фыркнул и перескочил на крупное полено.

– Ладно, тогда придется по-другому. Проэрти, – прошептала заклинание усиления и начертила рукой полукруг.

Вообще-то, огненная стихия неохотно подчиняется чужому давлению, но меня обычно слушает. Правда, здесь, в тетушкином доме, мне еще ни разу не приходилось использовать свои способности к подобным переговорам.

– Ксано, – добавила просьбу-приказ.

Пламя немного подумало, коротко рыкнуло, взмыло под самый дымоход, а потом обрушилось на творение Рошельи и проглотило его без остатка, сыто икнув напоследок.

– Молодчина! – радостно выкрикнула я, но тут же прикрыла рот рукой.

Не хватало еще, чтобы кто-то услышал.

Огонь пыхнул искрами, загудел, зашумел, подкатился к самой решетке и с любопытством выглянул сквозь ее прутья.

Я протянула руку и провела над пляшущими язычками.

– Спасибо. Ты мне очень помог, – шепнула новому огненному другу, разворошила угли, проверяя, не осталось ли где следов серой ткани, и довольная пошла спать.

***

Утро снова выдалось пасмурным. Тучи, нависшие над столицей, со вчерашнего дня так никуда и не делись. Неповоротливая карета герцогини медленно ехала по лужам Ахвенштрассе, а ее на скорости обгоняли огромные мобили и крытые механические пролетки, из-под колес которых летели грязные брызги.

Я смотрела в окошко на хищные очертания мобов, и представляла, каково это – сидеть в большом комфортабельном салоне и наблюдать за миром сквозь узкие стекла его окон. У нас в Аухвайне современных мобилей было немного. Точнее, всего три: один принадлежал мэру, второй – главному магу, ну а третий был у городского богача лорда Сиверса. А вот в Амвьене мобами пользовались и дворяне, и зажиточные торговцы, и даже кое-кто из духовен-

ства. Правда, большая часть служителей Единого, как и высшая аристократия, все же придерживалась старых традиций, и не признавала никаких новшеств. Старомодные упрямцы, что с них взять?

А вот я мечтала, что когда-нибудь однажды мне повезет прокатиться с ветерком на самом новом, самом быстром из всех существующих – «Эшлице». Эх, и почему леди Шарлотта так настойчиво цепляется за прошлое? С ее деньгами можно было бы купить сразу несколько мобилей, и менять их хоть каждый день. В понедельник, например, ездить на огромном «Ашвице», во вторник – на юрком «Броке», в среду…

Я так замечталась, что не заметила, как мы доехали до Аустер-вайне – улицы, где располагались самые известные Кроненгаудские Дома мод и магазины для богатых. Мы уже были здесь три месяца назад, когда я только переехала в Амвьен. Тетушка тогда заказывала для меня несколько платьев в известном на всю империю Доме Вандербау, но сейчас мы остановились рядом с другим зданием, помпезным и вызывающим, с импозантным швейцаром на входе и с изящными манекенами в витрине. И это не считая четырех этажей, красного мраморного фасада, черных колонн при входе и позолоты на портике. А завершала бьющее в глаза великолепие сверкающая надпись, скользящая по фронтону магическими огоньками – «Модный Дом Ривери».

– Эвелин, – посмотрела на меня леди Шарлотта, и я поторопилась подать ей руку. – Не спеши, моя дорогая, – спускаясь на залитую водой мостовую, напомнила тетушка. – Иди медленно, не забывай об осанке и о своем высоком происхождении.

Она отпустила мою ладонь и, держа трость немного на отлете, пошла к украшенным позолоченной ковкой дверям Модного Дома. Я двинулась следом, с иронией размышляя, о каком высоком происхождении может идти речь. Моя семья принадлежала к захудалому дворянскому роду, в котором, как в той поговорке, младший сын у младшего сына наследовал дырку от калача. И я слишком хорошо знала собственную родословную, чтобы проникнуться тетушкиными словами. Правда, спину все же выпрямила.

– Ваша светлость.

Высокий пожилой швейцар торопливо распахнул перед нами дверь и согнулся в подобострастном поклоне. Пуговицы на форменном сюртуке блеснули тусклой бронзой, напомнив мне о лежащей в кармане монетке.

– Добро пожаловать в Ривери, миледи! – разогнувшись, пробасил старик.

Леди Шарлотта даже не заметила этого приветствия. Тетушка королевой вошла в полукруглый холл, а я в который раз поразилась тому, насколько величественно она выглядит. Изящная, с идеальной осанкой и с такой же идеально уложенной прической, герцогиня казалась невероятно красивой, даже несмотря на возраст.

Стоило нам войти в просторный, отделанный черным мрамором холл, как тут же раздался высокий, похожий на женский голос.

– Леди Штолль, какая честь! Несказанно рад видеть вас в стенах Дома Ривери!

Из-за колонны нам навстречу кинулся невысокий человечек в сверкающем синем костюме. Интересно, он всех своих клиентов тут поджидает, или это только нам так повезло?

– А эта очаровательная молодая леди…

Он не договорил. Взгляд ярко-зеленых глаз пробежался по мне с ног до головы и замер на лице, впиваясь в него так цепко, что мне даже показалось, будто я чувствую прикосновение тонких паучьих лапок.

– Леди Эвелин Браге, – представила меня герцогиня. – Моя племянница. Эви, это мэтр Ривери, главный модельер Дома.

– Рад, очень рад! – снова повторил человечек и ловко облобызал ручку леди Шарлотты, а потом так же ловко склонился над моей.

На меня пахнуло сладкими духами с отчетливыми нотками пачулей. Помню, матушка как-то обмолвилась, что пачулями благоухают только падшие женщины, и я задумалась, что можно сказать об использующем столь «яркие» духи мужчине.

– Мэтр Ривери, леди Браге нужно подобрать несколько платьев, – тихо сказала герцогиня.

– Разумеется, миледи, – подхватился человечек.

Его лысая яйцеобразная голова блестела почти также ярко, как и бесчисленные бусинки, нашитые на ярко-синюю ткань сюртука, а маленькие, похожие на женские, ручки беспокойно дергались. Так, будто тянули невидимую нить. Да мэтр и сам напоминал паука, беспрерывно ткущего свою паутину.

– Вы же знаете, наши коллекции пользуются неизменным спросом и считаются одними из лучших в империи. Сюда, пожалуйста, – суетился Ривери, забегая вперед и распахивая двери в большой выставочный зал. – Анна! – негромко позвал он, и «нить» в его пальцах забегала еще быстрее. – У нас посетительницы.

На его зов из-за тяжелого бархатного занавеса появилась немолодая, но очень ухоженная тера. Светло-синий костюм сидел на ней, как влитой, приоткрывая ноги в дорогих шелковых чулках. Прическа была уложена волосок к волоску, кожа на лице сияла, и только мелкие, едва заметные морщинки в уголках глаз и на лбу выдавали истинный возраст женщины.

– Анна Варде, старшая продавщица, – представил теру Ривери, обращаясь исключительно ко мне.

Да оно и понятно. Герцогиня, судя по всему, была здесь частым гостем.

– Миледи, – коротко поклонилась тера Варде.

– Коллекцию «Бре-а-дорен», – посмотрел на нее Ривери. – Живо! Присаживайтесь, леди Штолль, – обратился он к герцогине, указывая на стоящие вдоль стены кресла. – И вы, леди Браге. Демонстрация моделей начнется через минуту.

Мы уселись в мягкие, удивительно удобные кресла, на маленьких столиках рядом с ними тут же появились поданые слугами прохладительные напитки и легкие воздушные печенья, а спустя несколько минут занавес поехал в сторону, и на подиум вышли девушки в невероятных нарядах. Юные теры проплывали мимо нас, останавливались, томно смотрели из-под полей шляпок, а я глядела на них во все глаза, от восхищения забыв, как дышать.

Разноцветный струящийся шелк, мягкий, глубоких синих оттенков бархат, шуршащая бордовая и золотая тафта, воздушная белая кисея – все это великолепие принимало самые причудливые формы, превращаясь то в вечерние платья со шлейфом, то в смелые, длиной чуть ниже колена балахоны, какие носили певицы из кабаре «Зордакс», то в легкие утренние наряды, поражающие воображение своей изысканной красотой. А потом появилось оно. Платье. Белое вечернее платье, глядя на которое хотелось задержать дыхание и любоваться, любоваться, любоваться… Маленькие рукава-фонарики, приталенный лиф, небольшой кружевной воротничок. Наряд был невероятно изящным и беззащитно-милым, если подобное выражение можно применить к одежде.

Я смотрела на него и понимала, что оно идеально. И даже представляла, как выглядела бы в этом нежно-зефирном великолепии. Эх, если бы у меня были собственные деньги! Пальцы снова нащупали монетку, и та показалась мне удивительно теплой, даже горячей. Интересно, отчего она нагрелась?

– Тебе что-нибудь понравилось, Эви? – негромко спросила тетушка, когда все девушки выстроились на подиуме.

Я молча кивнула, все еще раздумывая над странным «поведением» монетки.

– Назови номера, – не отставала герцогиня, и мне пришлось переключиться на происходящее.

Это что, какой-то экзамен? В прошлый раз леди Шарлотта ни о чем меня не спрашивала, просто выбрала несколько нарядов и заставила их примерить.

– Первое, третье, четвертое и седьмое.

– Отнесите в примерочную, – кивнула старшей продавщице герцогиня.

Та записала что-то в блокнот и исчезла, вслед за ней исчезли и демонстрировавшие модели девушки, а вскоре нас пригласили за ширму, где уже ждали отобранные мной наряды.

– У тебя неплохой вкус, Эви, – одобрительно сказала герцогиня, когда я примерила все платья, и в ее голосе я расслышала удивление. – Даже странно, учитывая, в каких условиях ты росла. И ты точно чувствуешь, что тебе пойдет, а что – нет. Большая редкость. Вот это белое особенно хорошо, – расправив посаженную на шелковую подкладку кисею, – добавила герцогиня. – Прекрасный выбор.

Она задумчиво посмотрела на меня, словно решая что-то в уме, и перевела взгляд на старшую продавщицу.

– Скажите мэтру, что мы возьмем все.

– Да, миледи, – улыбнулась та и после маленькой паузы добавила: – Могу я предложить леди Браге еще одно платье? Оно не выставляется для показов, но, мне кажется, вы должны его увидеть.

– Платье?

Леди Шарлотта чуть нахмурилась.

– Думаю, леди Эвелин вполне хватит тех четырех, что мы отобрали.

– Но это – совершенно особенное, оно будто создано для леди Браге, – не отступала Анна. – Тем более что оно идеально подойдет для бала по случаю приезда нового наместника. Вы не слышали? – видя мое недоумение, спросила она. – Лорд Скорса вчера подал в отставку, и на его место из столицы империи нового наместника назначили, лорда Дантера. А вот и платье, – отвлеклась она и взяла из рук помощницы невесомый серебристый наряд. Он напоминал крылья стрекозы – такой же воздушный, переливающийся и словно бы трепещущий от малейшего дуновения.

– Значит, об этом уже всем известно, – разглядывая каскадами спускающиеся воланы, задумчиво сказала герцогиня.

Она выглядела странно отрешенной, как будто мысли ее были далеки и от платьев, и от нас с терой Варде.

– И что говорят?

– Леди Шторм обмолвилась, что он из дартов и прислан к нам в Амвьен, чтобы навести порядок. А леди Сильвия Броде сказала, что лорд Дантер занимал высокое положение при дартском дворе. Да-да, это сюда, – поправила она оборку. – И пояс чуть передвинуть.

Анна ловко застегнула ряд маленьких пуговиц и отошла в сторону, позволяя мне увидеть свое отражение, а герцогиня нахмурилась и с силой оперлась на трость.

– Как вам, миледи? – спросила меня тера Варде.

– Очень красиво, – прошептала, глядя на нежный шелк, окруживший меня невесомым облаком.

Что ж, Анна была права. Платье действительно оказалось особенным и невероятно мне шло. Леди Шарлотта тоже это увидела.

В глазах ее мелькнул опасный огонек, тонкие губы плотно сжались, и герцогиня стала похожа на хищную птицу, выслеживающую в поле свой «обед».

– Хорошо. Мы его берем, – рассматривая мое отражение в зеркале, сказала она. А потом тихо добавила: – Возможно, это именно то, что нужно.

И мне почему-то почудился в ее словах какой-то двойной смысл. И сердце неприятно заныло, совсем как в тот день, когда герцогиня Авенау приехала за мной в дом леди Вонк.

***

Обратно возвращались по одной из центральных улиц. Тучи висели так низко, что, казалось, еще немного, и они попросту раздавят город. Что сказать? Весна, как и всегда в Кроненгауде, не задалась. Вместо ожидаемого тепла и буйного цветения – бесконечные дожди и сырость. И даже свежая зелень листвы смотрится темной и неприветливой, словно сама до конца не верит в скорое наступление лета.

– Эви, тебе понравилось у мэтра Ривери?

Леди Шарлотта посмотрела на меня и едва заметно нахмурилась. Я уже давно заметила, что герцогиня не любит излишне проявлять эмоции. У нее все сводится к полутонам и недосказанности – что в одежде, что в мимике, что в поведении.

– Да, тетушка, – быстро ответила на простой, казалось бы, вопрос.

Вот только расслабляться было рано.

– А сам мэтр? Что ты о нем думаешь?

Острый взгляд впился мне в лицо. И снова этот хищный блеск, и снова чернота кажется опасной.

– По-моему, он настоящий гений, – изображая простодушное восхищение, ответила тетушке. – Его наряды удивительны. Они такие… Такие…

Я замолчала, словно не в силах подобрать слова, и герцогиня удовлетворенно кивнула.

На самом деле мне хотелось сказать намного больше. О том, что за каждой вещью я вижу историю, которую вложил в нее мастер, чувствую флюиды его вдохновения, ощущаю настроение и свет. Но я не рискнула. По тому, что и как говорит человек, всегда можно распознать, что у него внутри. А мне совсем не хотелось обнажать душу перед непонятно откуда появившейся в моей жизни опекуншей.

– Гений, – кивнула тетушка и отпустила меня из-под прицела холодных глаз. – Только вот старшую продавщицу я бы заменила. Слишком разговорчивая.

– Разве это плохо? При ее профессии…

Договорить я не успела.

– Это еще что? – перебила меня герцогиня.

Карета как раз свернула на Оллен-брау, и впереди показался невысокий кованый забор. К слову, в Кроненгауде, в отличие от Дартштейна, ограды всегда делались небольшими и прозрачными. Так повелось еще со времен короля Густава, который предписывал своим подданным не скрывать личную жизнь от взглядов Черной стражи. По той же причине у нас до сих пор не принято плотно закрывать шторы.

– Что тут происходит? – тихо, словно про себя, спросила герцогиня, и я выглянула в окно, пытаясь понять, о чем она говорит.

Рядом с воротами стоял большой черный мобиль, во дворе было полно солдат, а в распахнутых настежь дверях растерянно застыл тер Гроу. Он смотрел на обыскивающих каждый куст стражников безумным взглядом, и губы его беззвучно шевелились.

Единый! Черная стража!

Я вцепилась в сиденье, пытаясь выровнять дыхание.

– Ваша светлость! – увидев въезжающую в ворота карету, очнулся дворецкий, и кинулся к герцогине. – Леди Шарлотта! Я ничего не смог сделать! Простите, миледи, они пригрозили забрать меня в Саухвайне!

Гроу бежал рядом с каретой, заглядывая в окно, голос его дрожал, обвисшие щеки тряслись, как у старого бульдога.

– Ваша светлость, не извольте гневаться! – задыхаясь, выговорил он, когда леди Шарлотта вышла из кареты.

– Бенджамин, что здесь происходит?

Герцогиня строго посмотрела на Гроу.

– Обыск, миледи, – ответил тот, и в его голубых, по-собачьи преданных глазах мелькнул страх. – Простите, миледи, я не сумел их остановить. Они предъявили императорский ордер. Допросили всех слуг. Устроили настоящий погром.

– Кто главный?

Взгляд леди Шарлотты заледенел. Она с силой оперлась на трость и посмотрела на широко распахнутые двери особняка так, словно готовилась к сражению.

– Не знаю, миледи. Какой-то лорд из Бреголя.

– Из столицы? Где он?

Тетушка решительно направилась вперед – с идеально ровной осанкой, удивительно похожая на какого-нибудь полководца тех времен, когда кроны еще умели воевать и ни при каких обстоятельствах не бежали с поля боя.

– В доме, миледи, – угодливо доложил Гроу, семеня рядом с герцогиней. – Как только вы уехали, так они и заявились. Мы ничего не смогли сделать.

Леди Шарлотта промолчала, но я заметила, как хищно шевельнулись крылья ее тонкого носа, и какой мрачной стала чернота взгляда.

– Веди, – коротко приказала герцогиня, когда мы оказались в доме.

– Сюда, миледи, – угодливо изгибался дворецкий.

Он припустил вперед, торопясь свалить на хозяйку бремя ответственности за происходящее, а я шла за тетушкой, глядела по сторонам и понимала, что магстража постаралась на славу. Двери всех комнат первого этажа были распахнуты настежь. В шкафах и каминах рылись солдаты. Они не церемонились, перетряхивая одежду и выдвигая из комодов ящики с бельем, вытаскивая из шкафов книги и фарфоровые безделушки, которых у герцогини было немало. В конце коридора испуганно жались слуги. Женщины утирали мокрые от слез глаза, мужчины хмурились, пытаясь не показывать страха, но тот легко читался во взглядах, в положении рук, в напряженных, зажатых жестах.

Я посмотрела на бледные испуганные лица и вздохнула. Бедные. Невелика радость попасть на допрос к Черной страже.

Тетушка тоже взглянула на прислугу и нахмурилась.

– Где он? – повернулась она к Гроу.

– В покоях леди Эвелин, миледи, – ответил тот, и у меня тревожно екнуло сердце. Вроде бы и уничтожила все следы, но вдруг что-то осталось?

– Вопиющая наглость, – процедила герцогиня, направляясь к моей комнате. – Я этого так не оставлю. Александр ответит за самоуправство своих подчиненных.

Лорд Александр Свайс был главой кроненгаудской магической полиции. А еще он был давним приятелем леди Шарлотты, и часто приходил в ее дом с визитами. Мне довелось пару раз присутствовать при этих встречах, и я до сих пор помнила, каким тяжелым становился воздух в гостиной, и как сложно было дышать в присутствии высших магов.

– Чего замерли? – строго обратилась герцогиня к слугам. – Нечем заняться? Гроу, распорядись, – кивнула она дворецкому.

– Слушаюсь, миледи, – с готовностью ответил тот.

С появлением хозяйки он явно приободрился и выглядел уж не таким бледным.

Тетушка дошла до моей спальни и остановилась на пороге, полностью закрыв обзор, и мне оставалось только догадываться, что там происходит.

– Потрудитесь объяснить, кто вы и по какому праву устроили в моем доме погром? – холодно спросила герцогиня.

– Темного дня, леди Штолль, – послышался не менее холодный ответ. – Позвольте представиться – лорд Каллеман, глава императорской магической полиции. Расследую исчезновение опасного государственного преступника и уполномочен входить в любые дома империи.

– Могу я взглянуть на ваши бумаги?

Герцогиня вошла в комнату. Я незаметно шагнула следом, растерянно рассматривая вывернутые из комода ящики и вываленную на кровать одежду. Бюро тоже было открыто, а книги – сложены неаккуратной стопкой. На подоконнике, за отдернутой шторой, обнаружились забытая мной бутыль с молоком и развернутое полотенце с подсохшим куском пирога. Двое стражников возились рядом с камином. Третий проверял дымоход. В эркере, возле небольшого диванчика, стоял высокий темноволосый мужчина и просматривал книгу Ульриха Штанца. Мою любимую книгу. Я ее перечитала уже раз пять и даже пометки на полях кое-где сделала. Вот именно их лорд Каллеман сейчас и разглядывал. Внимательно так. Въедливо.

– Бумаги? – не отрывая глаз от одной из надписей, переспросил он. – Разумеется, можете.

Он едва заметно шевельнул большим и указательным пальцами, и перед леди Шарлоттой в воздухе застыл развернутый лист с изображением трехглавого дартского орла и размашистой подписью внизу.

Тетушка не стала брать его в руки. Внимательно прочитала, взглянула на имперца и спросила:

– Значит, лорда Свайса отправили в отставку?

– Не совсем так. Он по-прежнему глава полиции.

– В таком случае, что делаете в моем доме именно вы?

– Как я уже и сказал, веду расследование.

Лорд Каллеман наконец-то оторвался от книги и в упор посмотрел на герцогиню. А я невольно сделала шаг назад. Глаза мага оказались не просто черными. Они были с красными зрачками, и это выглядело так жутко, что у меня внутри все сжалось. Никогда не видела ничего подобного. И даже не слышала о таком.

По спине пополз холодок, верный предвестник грядущих неприятностей.

– Значит, слухи о новом наместнике – правда.

Леди Шарлотта прищурилась.

– Именно так, – кивнул лорд Каллеман.

– И он намеревается навести новые порядки, не так ли?

– Вы удивительно проницательны, миледи.

На тонких губах мужчины появилась ироничная усмешка.

– И что вы пытаетесь найти в моем доме, позвольте спросить?

– Как вам уже говорил вчера капитан Мерден, сбежал важный государственный преступник, и есть основания полагать, что кто-то из ваших людей ему помог.

– Вы подозреваете слуг?

– И их тоже, – невозмутимо сказал Каллеман.

– То есть, вы хотите сказать, что мы с племянницей на подозрении? – с едва заметным сарказмом спросила герцогиня.

Она отставила трость в сторону, и я заметила, как побелели сжимающие ее набалдашник тонкие пальцы.

Ого! На месте лорда Каллемана я бы поостереглась злить Поглотителя!

– Безусловно, – спокойно ответил дарт. Казалось, его нисколько не трогало ни высокое положение герцогини, ни уровень ее магии. – И я хотел бы задать вашей племяннице несколько вопросов.

Тетушка молча сверлила взглядом приезжего мага, а тот – ее. Эта дуэль длилась несколько минут. Мне казалось, в воздухе незримо летали молнии и неслышно гремел гром, а между двумя магами шла невидимая, но от того не менее страшная война. Я видела, как

беспокойно трепетало пламя в очаге, как едва заметно искрили прутья каминной решетки, как ворс на ковре встал дыбом, и всерьез задумалась о том, не случится ли чего похожего с моими волосами. Мне даже захотелось коснуться прически и проверить, все ли в порядке, но, разумеется, я этого не сделала. Наконец, леди Шарлотта отвела глаза и устало сказала:

– Что ж, можете поговорить с леди Браге. Но только в моем присутствии.

– Как вам будет угодно, – сухо ответил Каллеман.

Он захлопнул книгу, и этот звук словно подвел черту под незримыми переговорами и показался таким громким, что я невольно вздрогнула.

– Тогда пройдемте в кабинет, надеюсь, ваши люди еще не успели его разгромить. Эви, – герцогиня кивком указала мне на выход.

Я молча шагнула за порог. В душе зрело нехорошее предчувствие. Одного взгляда на мага мне хватило, чтобы понять, что он что-то нашел. Эти его глаза, и многозначительная усмешка, и выражение лица… Я шла к лестнице и пыталась сообразить, что он мог обнаружить. Вроде бы, все следы я вчера уничтожила. Или не все? В любом случае, признаваться в содеянном я не собиралась. Как и не жалела о том, что помогла несчастному беглецу. На него же достаточно было просто посмотреть, чтобы понять, что не мог он совершить ничего противозаконного. Или мог? Да нет, вряд ли. Мое чутье меня еще ни разу не подводило.

На втором этаже было тихо. Стражники не успели сюда добраться, и в кабинете, куда мы вошли, царил обычный порядок. Книги равнодушно поблескивали золотыми корешками за стеклами шкафов, лорд Люциус – покойный супруг герцогини – строго смотрел с висящего над письменным столом портрета, а темные шторы красиво обрамляли узкие окна и напоминали стражников, охраняющих комнату от серого света, бьющегося в частый переплет с упорством слепой птицы.

– Леди, – маг указал нам на диван, сам проходя к стоящему за столом креслу.

Тетушка недовольно посмотрела на «захватчика», но промолчала. Она устроилась рядом со мной, выпрямила руки, опираясь на трость, и сосредоточенно уставилась на серебряный набалдашник.

Мне порой казалось, что трость леди Шарлотты – не просто кусок дерева. Она была как бы продолжением самой герцогини, еще одной конечностью, наподобие руки или ноги.

– Итак, леди Браге, расскажите о вчерашнем вечере, – не дав мне углубиться в эту мысль, негромко произнес Каллеман.

Голос у него был низким, похожим на звучание соборного органа, который я слышала не так давно в главном храме Амвьена.

Имперец положил ладони на стол и чуть подался вперед. Лицо его выглядело бесстрастным, но пугающе красные зрачки придавали облику мага зловещий вид.

Под ложечкой снова неприятно засосало.

– Что именно?

Я говорила немного растерянно и наивно хлопала глазами, по опыту зная, что это лучший способ дезориентировать «противника». Лучше уж выглядеть глупенькой хорошенькой дурочкой, чем привлекать внимание твердостью характера и умом. Это я еще во времена жизни у леди Вонк уяснила – та терпеть не могла «слишком умных выскочек», и мне приходилось изображать недалекую глупышку. Правда, при герцогине я старалась придерживаться золотой середины, и не слишком злоупотребляла столь колоритным образом.

– Все. Начните с того момента, когда вы расстались со своей тетей и отправились к себе.

Каллеман уставился мне в глаза своим невозможным взглядом, и я почувствовала, как в душе поднимается неконтролируемое желание сказать правду. Ага. Сейчас! Можно подумать, я никогда про внушение не слышала!

– Я вошла в свою комнату, – переборов чужое влияние, начала свой рассказ. – Подошла к камину погреть руки – понимаете, они у меня почему-то все время мерзнут! – потом выглянула

в окно, посмотреть, не закончился ли дождь, постояла так немного. А после прошла к бюро и взяла книгу тера Штанца. И читала ее до самой ночи, пока не уснула.

Вот так! И что вы на это скажете, тер маг?

В моих словах не было ни слова неправды. Хотя и всей правды – тоже.

Каллеман выслушал меня и задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– А что вас привлекло? – неожиданно спросил он.

– Простите?

Мне даже не пришлось изображать удивление, оно было искренним.

– Что вас так заинтересовало в научном труде тера Штанца?

Единый! Для глупенькой дурочки книга по истории государства – слишком странный выбор. Вот это я промахнулась!

– Леди Браге?

Чернота вышла за пределы радужки, полностью затопив белки. Бр-р, страшное зрелище.

– Картинки, – простодушно улыбнулась в ответ, и для пущей убедительности пару раз взмахнула ресницами. – Там очень красивые иллюстрации. Всегда мечтала побывать в столице империи – площадь Согласия, Старый королевский дворец, многочисленные парки…

Я прижала руку к сердцу и вздохнула, словно не в силах продолжать.

– Что ж, понятно. И больше вы никуда из комнаты не выходили? И с посторонним мужчиной не разговаривали?

– С мужчиной? – растерянно посмотрела на мага.– С посторонним мужчиной?! Неужели вы считаете меня…

Я не договорила. К глазам подступили слезы, и я, достав платок, приложила его к лицу.

– Простите, леди Браге, но это очень важно. Подумайте как следует, – не отставал маг. – От ваших слов будет зависеть благополучие государства.

– Я не понимаю, – пролепетала в ответ. – Я ничего не сделала.

– Довольно, – вмешалась леди Шарлотта. – Вы слышали достаточно. Эвелин никого не видела, и уж тем более она не помогала этому вашему преступнику. Успокойся, дорогая, – обратилась она ко мне. – Тебя никто ни в чем не подозревает.

– Я бы не был в этом так уверен, леди Штолль, – тонкие губы мага искривила усмешка. – В комнате вашей… племянницы – он сделал небольшую паузу перед словом племянница, подтверждая мои сомнения по поводу нашего с тетушкой близкого родства, – обнаружены следы присутствия фантомов одежды, очень схожей с той, в которую был одет сбежавший преступник.

Черные глаза буквально впились в мое лицо.

– Вздор! – пристукнула тростью герцогиня. – Эвелин не могла…

– Леди Браге? – не дав ей договорить, надавил Каллеман.

– Я не знаю, что сказать.

Голос дрогнул. Я не представляла, как выкрутиться. Если Каллеман может видеть фантомы… Единый, я о таком даже не слышала!

– Правду, – вкрадчиво посоветовал маг и повторил: – Правду, леди Браге.

Длинные пальцы дернулись и пробарабанили начало хорошо известной в Кроненгауде песенки. «Я милая обманщица, милорд, купите за полрена, милорд, три унции притворства, щепотку удивления и пинту лицемерия, милорд», – расслышала за глухим стуком и мысленно послала мага куда подальше. Откуда он только на мою голову взялся?!

– Но я действительно ничего не знаю, – подняла на имперца честный открытый взгляд. – И не видела никакого мужчину.

Я решила отпираться до последнего. Пока герцогиня рядом, Каллеман ничего не сможет сделать. Ну не будет же он меня пытать, в самом деле?

– Что ж, в таком случае, прошу за мной.

Маг поднялся из-за стола и кивнул мне на выход.

Ладонь непроизвольно метнулась к горлу, сдерживая испуганный вздох. Единый, он не посмеет. Он не заберет меня в тюрьму!

– Позвольте, что вы собираетесь делать? – строго спросила герцогиня.

Трость в ее руках дрогнула.

– Леди Браге задержана, до выяснения всех обстоятельств дела, – официально произнес лорд Каллеман.

– Вы не можете.

Леди Шарлотта поднялась и заступила магу дорогу. Глаза ее угрожающе блеснули. Мне даже показалось, что они превратились в черные провалы, из которых струился властный приказ.

– Могу и сделаю это, – голос лорда Каллемана звучал бесстрастно, однако во взгляде полыхало недоброе пламя. Не менее страшное, чем у герцогини. – Не усугубляйте положение своей племянницы, леди Штолль.

Я застыла рядом с диваном и смотрела на мага, соображая, чем грозит мне недавний порыв. Нет, я не жалела о том, что помогла попавшему в беду человеку. Но теперь нужно было как-то выкручиваться, иначе имперец и правда отправит меня в тюрьму. Думай, Эви, думай! Если поведать часть правды…

– Хорошо, я все расскажу, – утерев платочком несуществующие слезы, тихо всхлипнула и умоляюще посмотрела на мага.

Тот сложил руки за спиной и сухо произнес:

– Что ж, слушаю вас.

– Понимаете, я не думала, что это важно, – запинаясь и глотая слова, начала свой рассказ. – Просто, я увидела его… А он оказался таким грязным. И одиноким. У меня просто сердце замерло. Лежит себе под ветками, такой жалкий! А потом, когда разглядела его поближе… Знаете, он мне совсем не понравился, и я решила, что лучше его сжечь. Вот так все и было, – со вздохом закончила свою нарочито сумбурную речь и закрыла лицо руками.

– О чем вы? Кого вы сожгли?

– Платок, – простодушно ответила я.

– Леди Браге!

На худых щеках мага заходили желваки.

– Я действительно не хотела его брать, просто увидела, что под можжевельником что-то белеет, вышла, а там – он.

– Кто?

– Так платок же. Я ведь вам объясняю, я из окна его увидела.

Лорд Каллеман качнулся с пятки на носок. Посмотрел на меня. Посмотрел в окно. Снова посмотрел на меня.

– А мужчина? – сдержанно спросил он. – Мужчину вы видели?

– Рядом со своей спальней? Простите, лорд Каллеман, но молодой девушке такие вопросы не задают. Это неприлично. Правда же, тетушка? – повернулась я к леди Шарлотте, но ответить та не успела.

– Да неужели? – с сарказмом спросил маг и в секунду оказался рядом со мной. – Вот что, милочка, вы мне тут дурочку не изображайте. Где беглец? Куда он делся? Вы его прячете?

Ледяные пальцы вцепились в мое запястье. По телу пробежала холодная волна.

– Прекратите немедленно! – стукнула тростью герцогиня. Я впервые видела ее такой взбешенной. – Отпустите мою племянницу и убирайтесь из моего дома. Я буду жаловаться наместнику. Вы не смеете врываться без разрешения и устраивать пытки моим домочадцам. Эви, дорогая, иди ко мне, – она схватила меня за руку и дернула на себя. Откуда только сила

взялась? – А вы… Вон отсюда! И больше не вздумайте приходить. Гроу! Лорд Каллеман уходит. Проводи.

Она внушительно посмотрела на дворецкого, и тот сделал шаг вперед.

– Прошу вас, лорд Каллеман, – весомо произнес он.

Сейчас, когда хозяйка была рядом, Гроу воспрянул духом и больше не казался ни растерянным, ни беспомощным.

Маг одарил герцогиню пристальным взглядом, перевел его на меня, обдав холодом мрачной черноты, и молча пошел к выходу.

– Я не прощаюсь, леди Штолль, – обернувшись на пороге, сказал Каллеман.

– Если рассчитываете на скорую встречу, то вы глубоко ошибаетесь, – сухо произнесла леди Шарлотта. – Эви, дай руку, – повернулась она ко мне. – И прекрати рыдать. Никто тебя не тронет.

Тетушка поджала губы и многозначительно посмотрела на исчезающий в коридоре край темного плаща.

– Кстати, ты действительно никого не видела? – как бы между прочим спросила герцогиня.

Ну да, так я и призналась!

– Нет, тетя, – вздохнула в ответ, и в этот момент мне показалось, что воздух в комнате странно задрожал, а потом я увидела едва заметный мужской силуэт. Секунда – и он исчез. А может, его и не было, и мне просто показалось?

– Хорошо, иди к себе, – устало произнесла леди Шарлотта и отошла к окну. – Иди, Эви, – тихо, словно про себя, повторила она. – Пока я рядом, тебе ничего не грозит.

Я попятилась и вышла из комнаты.

***

Девушка что-то скрывала. Он чувствовал. Видел по лицу, по взволнованным глазам, по чуть дрожащим рукам. Считывал по сбившемуся дыханию и участившемуся пульсу. А еще – по тонкому, едва ощутимому запаху страха.

Смотрел на бьющуюся на тонкой белой шее венку, и буквально ощущал быстрые удары сердца.

Понять бы, действительно ли леди Браге так наивна и беспомощна, как кажется, или это всего лишь маска? Удачная маска.

Он кинул за щеку мятную пастилку. Снова вспомнились большие, широко распахнутые глаза, нежный румянец, светлые вьющиеся волосы, и он поморщился. Рес разберет, что правда, а что ложь в неподдельно, вроде бы, взволнованном рассказе. Еще и молоко это. Бутыль, стоявшая на окне в комнате девицы, не давала ему покоя. Для кого она? Кошек в доме герцогини нет, собак – тоже, да и сама девица не выглядит любительницей поесть.

Вчера он не стал дожимать ее, понял, что она будет все отрицать. С такими, как эта Эвелин Браге, грубой силой ничего не добьешься. Да и герцогиня Авенау, рес бы ее побрал, как орлица на защиту кинулась. Нет. Нужно подождать, хотя, видит Единый, у него нет на это времени. И все же. Интуиция подсказывала, что лучше пока отступить, присмотреться, понаблюдать. А случай разговорить девицу еще представится. Главное, чтобы рядом не было ее тетки.

Взгляд вернулся к лежащим на столе бумагам.

Леди Эвелин Маргарет Браге. Полных лет – девятнадцать. Родилась в Аухвайне, в семье бедного дворянина. После смерти родителей и брата, ставших жертвами последней и самой страшной эпидемии виры, оказалась под опекой леди Амалии Вонк, дальней родственницы отца. Три месяца назад опека над девушкой перешла к герцогине Авенау, еще более дальней

родственнице. Официальная версия – леди Штолль решила заняться воспитанием наследницы всего своего состояния, но он не спешил доверять этим сведениям. Доброта одной из самых расчетливых женщин империи не вызывала большого доверия.

Он знал Поглотителей. Им было незнакомо такое чувство, как любовь к ближнему. Да и кто из Высших может этим похвастаться? Пожалуй, только один, но он, скорее, исключение.

И все-таки: врет девица или нет?

Он перекинул пастилку за другую щеку. Врет. Однозначно. Чутье его еще ни разу не подводило, а сейчас оно настойчиво подталкивает заняться юной леди вплотную.

Что ж, он и займется. Ни на шаг из-под своего наблюдения не выпустит. И она обязательно проколется – они все рано или поздно прокалываются. А он понаблюдает. Вандау пока не найти, но ниточки, которые связывают последователя Иных и Эвелин Браге, он обязательно отыщет. Если Браге действительно связана с Вандау, то однажды она снова с ним встретится, и вот тут-то он и захлопнет мышеловку. Как любит повторять Дерек – все приходит вовремя для того, кто умеет ждать.

Глава 2

Дворец наместника сиял, как новая парадная люстра леди Шарлотты. Из окон первого этажа свет лился на мокрую брусчатку Королевской площади, отражался в блестящих боках подъезжающих мобилей, расцвечивал золотом шлемы магических стражников. Те выстроились в два ряда у входа – высоченные, крупные, в красных с синим мундирах, – и в мягких отсветах плавающих ламп их неживые лица казались почти настоящими. А на каждой ступеньке парадной лестницы застыли девушки-фантомы. Они изображали свиту богини Лиры – пятнадцать эриций, покровительниц наук и искусства. На прекрасных полупрозрачных лицах сияли улыбки, тонкие белые одежды развевались, хотя никакого ветра не было и в помине, босые ноги сливались с белизной мрамора, на котором стояли. В воздухе вспыхивали и рассыпались золотыми брызгами асвесы – живые магические фейерверки, а в небе над дворцом сияли кружащиеся в танце фигурки.

Сказка. Феерия. Волшебство.

– Эвелин, ты все запомнила? – вопрос тетушки заставил меня оторваться от окна кареты.

– Да, миледи, – кивнула в ответ и чинно сложила руки на коленях. Шелковые перчатки мягко блеснули. – Не волнуйтесь, я вас не подведу.

Еще бы! Ведь ничего другого мне попросту не остается.

Все последние трое суток леди Шарлотта учила меня правильно двигаться в пышном бальном платье, приседать в глубоком реверансе и танцевать ор-де-кос – новомодный танец, пришедший из столицы. «Спину держим прямо, два шага вперед, поворот направо… Направо, леди Эвелин! И раз-два-три, поворот налево, – голос танцмейстера походил на звук заведенной механической куклы. – Два шага назад, конкросс, па-де-се, поворот!». Не скажу, что это было легко, но я справилась. Вот только каблуки…

Я покосилась на узкие мыски изящных туфелек. Единый! Настоящие орудия пыток. И кто их только выдумал?

Раньше моей единственной обувью были простые кожаные ботинки. Причем, носила я их круглый год, и зимой, и летом. Моя «благодетельница», леди Вонк, считала, что тратить деньги на воспитанницу-сироту – верх неблагоразумия. Она так и говорила: – «Новые туфли? Вздор! У тебя прекрасные боты. В них еще моя матушка ходила, а та знала толк в хороших вещах». Ну конечно! А то, что старой леди уже лет пятнадцать как не было в живых и ее одежда и обувь давным-давно устарели, мою благодетельницу совсем не смущало. «Настоящее качество – вне моды и времени», – любила повторять она. Что ж, мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте. Вещам леди Селии действительно сносу не было. И если платья и костюмы я сумела перешить, придав им более современный вид, то вот обувь…

– Эви, хватит витать в облаках, – строго сказала леди Шарлотта. – Приготовься. Наша очередь.

Ответить я не успела.

Карета остановилась, дверцы тут же открылись, и ко мне протянулась рука в белой перчатке.

Вспомнив наставления тетушки, оперлась на нее и спустилась со ступеньки на темную брусчатку. Постояла секунду, всей душой впитывая окружающую веселую кутерьму, а потом вскинула голову и, сопровождаемая стражником, пошла вперед.

Ах, как же сложно было сдержать любопытство и не разглядывать неодушевленного ороса! Раньше, когда жила в Аухвайне, я слышала, что в Амвьене есть металлические стражи, управляемые магией, но даже представить не могла, как они выглядят. А теперь вот иду рядом с одним из них и слышу резкий звук его шагов. Ровный, отдающий тяжестью стали и холодом магии.

Брусчатка заканчивается, под ногами – плиты ступеней, потом исчезают и они, и я оказываюсь в распахнутых дверях, а навстречу бросается свет, шум, звуки музыки и гомон голосов – оглушая, дезориентируя, не давая сообразить, что делать.

Стражник отпустил мою руку, и в первую секунду мне захотелось потянуться за ним, но я только выше вскинула голову и сделала шаг вперед. Ничего, справлюсь. Наверняка, это не страшнее, чем жить под одной крышей с Поглотителем.

Зал был большим. Нет, не так. Огромным! Бесчисленные анфилады отражались в зеркальных стенах и создавали иллюзию бесконечности. А может, это маги постарались? Музыка льется откуда-то сверху, но оркестра не видно; людей много, но тесноты не чувствуется. Середина зала, как и предупреждала леди Шарлотта, оставалась свободной. Широкая полоса, в конце которой на возвышении стоит массивный каменный трон – память о том, что не так давно в Кроненгауде правили короли. Чуть ниже, справа, – позолоченное, обитое красным бархатом кресло. Для наместника. Да вот же и он сам – щуплый, с перекинутой через плечо широкой лентой. Лорд Дантер, новый правитель кроненгаудского края. Кроме ленты я толком ничего не видела, внешность наместника смазывалась, расплывалась, как и все вокруг.

Что там говорила тетушка? По темным плитам прохожу до центра, выделенного белым кругом, жду, когда церемониймейстер объявит мое имя, застываю на пару минут, давая присутствующим возможность меня запомнить, и отхожу направо, к стоящим у стены девушкам.

Сегодняшний вечер был заявлен еще два месяца назад как бал дебютанток, но назначение нового наместника немного изменило планы, точнее, объединило две цели вместе: представление лорда Дантера и представление дебютанток.

Так, главное, не запутаться в длинном подоле. Шаг, еще один. Медленно, с достоинством, высоко подняв голову. Лица стоящих по обеим сторонам людей смазываются, сливаются в мутное пятно, я не вижу никого и ничего, кроме свободной полосы под ногами. Волнение сбивает дыхание, но я изо всех сил держу на лице легкую улыбку и иду вперед. Вот и круг. Замираю в самом центре, стараясь не двигаться и смотреть прямо на трон. Если верить старым легендам, рядом с ним всегда незримо присутствует дух Гарольда, третьего короля Кроненгауда, погибшего во время Ткацкого мятежа. Интересно, пара минут уже прошли? Так, теперь – глубокий реверанс, а потом развернуться и отойти к остальным дебютанткам.

Фу-ух! Кажется, все получилось.

Девушек было немного. Девять или десять. И все они казались типичными жительницами Амвьена – высокие, темноволосые, плоскогрудые и узколицые. На их фоне я выглядела немного чужеродно.

Правда, когда волнение прошло, и я смогла спокойно оглядеться по сторонам, то поняла, что со своими светлыми волосами и белой кожей очень сильно отличаюсь не только от дебютанток, но и от всех остальных дам. И самое ужасное, что они тоже это увидели. На меня смотрели, шушукались, одаривали насмешливыми улыбками. Я переводила глаза с одного лица на другое, невольно улавливая чужие эмоции и мысли, и вдруг наткнулась на острый, ножом резанувший по душе взгляд. Лорд Каллеман. Это был он. Стоял рядом с креслом наместника и смотрел прямо в глаза. Бр-р. У меня аж мурашки по спине пробежали. И между лопатками зачесалось, как бывало всегда, когда меня ждали неприятности.

Я постаралась придать лицу наивное выражение, пару раз хлопнула ресницами и растерянно улыбнулась. Ну же, милорд, не надо так смотреть! Неужели вы не видите – перед вами всего лишь обычная провинциальная девица, не имеющая никакого отношения ни к государственному преступнику, ни к его исчезновению.

За время, проведенное у леди Вонк, я твердо уяснила одну вещь: чем естественнее ты носишь маску наивной глупышки, тем легче тебе живется. Когда я только попала в темный запущенный дом на Кранен-брау, мне было четырнадцать. И весь первый год моей жизни у леди Вонк прошел в бесконечных попытках отстоять свое мнение, и в постоянных побоях и

затрещинах. А потом я поумнела и научилась скрывать собственные мысли и чувства. Зачем напрашиваться на неприятности? Если леди Вонк хочет видеть послушную, глуповатую воспитанницу, то именно это она и увидит. А что я при этом думаю, никого не касается. Побои и тычки никуда не делись, но их стало гораздо меньше. Да и постоянных нравоучений тоже. Эх, мне бы только совершеннолетия дождаться! Я представляла свою предстоящую самостоятельную жизнь, и готова была вытерпеть все, что угодно, только бы поскорее повзрослеть, но до двадцати одного оставалось еще целых два года. Ужасно долго.

Я отвернулась от лорда Каллемана и обвела взглядом собравшееся общество в поисках леди Шарлотты. Странно. Пока я смотрела в черные провалы глаз имперца, в зале что-то неуловимо изменилось. Разговоры стихли, мужчины вытянулись и приосанились, женщины опустили веера. И в воздухе повеяло чем-то таким… Чужеродным, что ли. И холодным, как при использовании темной магии. А спустя секунду наместник поднялся, и я смогла разглядеть его «во всей красе». Невысокий. Щуплый. С намечающейся лысиной и в тонких круглых очках на крючковатом, похожем на совиный, носу. О том, что это новый хозяин Кроненгауда, говорили только темно-красный мундир с золотыми позументами да голубая лента, пересекающая грудь. Что сказать? Не таким мне представлялся главный человек Амвьена.

В этот момент оркестр грянул гимн Дарт-Остенской империи, и все замерли, вслушиваясь в бравурную мелодию, а когда она отзвучала, по залу разнесся низкий, усиленный магией голос.

– Поприветствуйте лорда Дантера, графа Старконского, наместника Кроненгауда, доверенное лицо его императорского величества Вильгельма ll.

Мужчины склонили головы в поклонах, женщины присели в реверансах, и я, вспомнив наставления тетушки, последовала примеру остальных дам.

– Рад познакомиться со славными жителями Кроненгауда, – послышался негромкий глуховатый голос с легким, почти неуловимым акцентом. Но характерное «р» выдавало в говорящем уроженца Дартштейна. – Хочу поблагодарить присутствующих за то, что сегодня вы все собрались здесь, надеюсь, вместе мы сможем послужить нашей отчизне и привести ее к процветанию.

Лорд Дартен неловко дернул плечом и как-то странно вытянул шею.

– А сейчас предлагаю продолжить бал и прошу одарить овациями юных дебютанток.

Совиный нос повернулся в нашу сторону. Очки зловеще сверкнули. Наместник снова неловко дернул плечом и принялся внимательно разглядывать девушек.

Взгляд его скользил по лицам дебютанток, но в нем не отражалось никаких эмоций. Карие глаза, уменьшенные стеклами очков, казались въедливыми и холодными, а улыбка – неприятной. В сочетании с бледной, в заметных рытвинах кожей это выглядело немного отталкивающе.

В зале все еще звучали аплодисменты, а я смотрела на разглядывающего нас мужчину, и понимала, что не хотела бы привлечь его внимание.

Увы. Похоже, мое желание в очередной раз не сбылось. Наместник сказал что-то стоящему рядом невысокому юркому человечку – скорее всего, советнику, тот кивнул и быстро направился прямо ко мне.

– Лорд наместник приглашает вас на танец.

В мою сторону протянулась белая холеная рука.

В голове мелькнула мысль: – «Интересно, а что будет, если я откажусь?»

И в тот же миг я почувствовала на себе два одинаково въедливых взгляда. Нет, на самом деле их было намного больше, на нас с советником смотрели все, кто находился в зале, но я знала только двоих, способных вызвать своим вниманием ледяные мурашки. Леди Шарлотта и лорд Каллеман. Даже не глядя, я знала, что они оба за мной наблюдают – пристально, каждый со своим интересом. И под этим двойным давлением я приняла руку советника и сделала шаг

вперед, чтобы дойти до стоящего у трона мужчины и окунуться вместе с ним в поплывший по залу вальс.

– Могу я узнать, как зовут одну из самых красивых девушек Кроненгауда?

Голос наместника звучит глуховато. Ладонь, крепко сжавшая мои пальцы, – неприятно влажная.

– Леди Эвелин Браге, Ваше сиятельство.

– Прекрасное имя.

Карие глаза остановились на моей груди. Ну да, благодаря бальному платью она привлекает внимание, но нельзя же так откровенно пялиться? Мне захотелось подтянуть край лифа повыше.

– А ваши родители? Они здесь?

– Умерли пять лет назад. Я живу у тети, герцогини Авенау.

– Так вы сирота, – задумчиво сказал наместник и замолчал.

Я тоже молчала. Музыка летела над залом, лорд Дантер крепко держал меня за талию, мимо мелькали незнакомые лица, разноцветные платья, черные фраки. И только одно оставалось неизменным – два пристальных взгляда, приклеившихся к моей спине. Они застыли между лопаток, и мне ужасно хотелось смахнуть их веером. Правда, когда представила, как это будет выглядеть, не смогла удержаться от усмешки.

– Благодарю за танец, леди Браге, – сказал наместник, когда мелодия стихла, и правый уголок его рта дернулся вверх.

Я присела в глубоком реверансе.

– Надеюсь, однажды буду иметь честь снова танцевать с вами.

Мне показалось, что эти слова прозвучали как-то двусмысленно. Не знаю, то ли интонация была странной, то ли взгляд, который снова нырнул в вырез моего платья.

– Почту за честь, лорд наместник, – сдержанно произнесла в ответ и незаметно отступила на шаг назад.

Лорд Дантер повернул голову. Круглые очки сверкнули. Я заметила, что он ищет кого-то в толпе, но понять, кого именно, оказалось сложно. От волнения лица окружающих казались одинаковыми и сливались в одно большое размытое пятно. Наконец, видимо, обнаружив нужного человека, наместник едва заметно кивнул, а потом, не оглядываясь, пошел вперед. Перед ним поспешно расступались, кланялись, приседали в реверансах, а я смотрела на удаляющуюся худощавую фигуру и испытывала облегчение и досаду одновременно.

Кто бы мог подумать, что мой первый в жизни танец достанется этому неприятному пожилому мужчине? А ведь я мечтала совсем о другом!

– Вашу руку, леди Браге, – знакомый низкий голос, раздавшийся из-за спины, заставил вздрогнуть и обернуться.

– Простите?

Я смотрела на Каллемана, пытаясь понять, что это – приглашение на танец или новая попытка ареста.

– Танец, леди Браге. Всего лишь танец, – словно отвечая на незаданный вопрос, криво усмехнулся имперец.

Я на секунду задумалась. Может, отказаться? Но тогда я не узнаю, что у мага на уме, и не оставил ли он идею арестовать меня за пособничество беглому преступнику.

– Ах, танец! – воскликнула в ответ, скрывая настороженность за легкомысленной улыбкой. – Да, конечно.

Я вложила пальцы в руку Каллемана, от души надеясь, что парконс закончится быстро, и ощутила, как на талию легла тяжелая ладонь. Дирижер будто только того и ждал – первые аккорды нежной мелодии поплыли по залу, унося нас с магом в несложных па медленного придворного танца.

– Итак, леди Браге, вы по-прежнему настаиваете на том, что не видели сбежавшего преступника? – не дав мне опомниться, спросил маг, и ладонь на моей талии сжалась сильнее.

– Лорд Каллеман, это допрос, да? А тетушка говорила, что несовершеннолетних нельзя допрашивать в отсутствие опекуна. Может, мы позовем леди Шарлотту?

Единый, помоги мне убедительно сыграть свою роль!

Я вскинула взгляд на мага и буквально потерялась в темной мгле, устремившейся мне навстречу. В ней были и холод, и расчет, и злость, и нетерпение, и много чего еще, что обрушилось на меня из черных, как аухвайненский уголь глаз.

– О чем вы, леди Браге? Это просто танец, – тонкие губы мага искривила усмешка.

– Да? Значит, мы не нарушаем закон? Ой, тогда хорошо, а то тетушка будет ругаться. Она у меня очень строгая.

Я мило улыбнулась, надеясь, что ямочки на щеках выглядят достаточно невинно и безобидно, и что они на какое-то время деморализуют противника. Но Каллеману было на них плевать.

– Это дружеская беседа, леди Браге. Нужно же нам о чем-то говорить? Парконс, знаете ли, располагает к общению.

Рес бы побрал этот медленный стариковский танец! И не в меру предприимчивого мага тоже.

– А тетушка говорит, что светскую беседу лучше всего начинать с погоды. Потом можно обсудить последние городские новости и…

– Вот мы с вами и обсудим последнюю городскую новость, – оборвал меня Каллеман. Мне послышалось, или в его голосе проскользнуло раздражение? – Что вы думаете о побеге из тюрьмы опасного преступника?

Пары рядом с нами слаженно присели, и мне пришлось последовать их примеру. Каллеман лишь слегка склонил голову и приблизился ко мне почти вплотную.

– Это так ужасно! В тот день была такая холодная погода, наверняка он до нитки промок, – вздохнула в ответ и посмотрела на мага максимально честным взглядом. Черная тьма не отпускала, въедалась в душу, препарировала ее и выискивала то, что хотела узнать.

– Думаю, вам об этом известно лучше, чем прочим, не так ли?

Голос мага звучит тихо, почти интимно. Наверное, со стороны это выглядит ужасно двусмысленно, но сейчас меня не заботят возможные сплетни.

– Мне?

Я растерянно хлопнула ресницами.

– Платок, леди Браге. Вы ведь его подняли. Или там был не только платок? Может, что-то еще?

– Нет, что вы! Я никогда не беру чужие вещи! Я бы и платок не взяла, но он казался таким жалким, – голос дрогнул.

Я беззвучно выругалась. Сейчас мне пригодилась бы невозмутимость тетушки. Интересно, как леди Шарлотте удается держать себя в руках? Неужели это и есть то самое «хорошее воспитание», которое она вот уже три месяца пытается мне привить?

Маг ничего не ответил, и я рискнула спросить:

– Лорд Каллеман, а этого несчастного беглеца действительно собирались казнить?

– Это он вам сказал?

– Кто?

– Беглец.

– Но я же его не видела.

– Нет?

– Нет.

– Слишком много интереса к тому, кого вы никогда не видели, вам не кажется? – прищурился Каллеман. – Но если вас это так волнует, ему не грозит казнь. Всего лишь допрос.

В холодных черных глазах промелькнул красный огонек. Рука, лежащая на моей талии, ощутимо потяжелела.

Допрос? Получается, он не заключенный, а свидетель? Или Каллеман специально так сказал?

В этот момент пары слаженно повернулись и сделали переход к другим партнерам, и я с облегчением улыбнулась какому-то незнакомому теру. Как же вовремя он сменил невыносимого мага!

Моя рука оказалась в прохладной ладони незнакомца, а я смотрела на него и чувствовала, как исчезает бурлящее в крови волнение. Все-таки, хорошо, что Каллеман выбрал для допроса именно парконс – танец, который начинает один партнер, а заканчивает другой. Интересно, кто этот лорд? По сравнению с магом, он настоящий красавец, совсем как принц из моих детских книжек. Высокий – гораздо выше обычного роста, – с мощными плечами, затянутыми в темно-фиолетовый старинного покроя камзол, с белозубой улыбкой и мужественным лицом. Где-то в глубине души зашевелилась робкая надежда – а может, это он? Настоящий мужчина, как в романах тера Прескотта, способный защитить от всех невзгод и неприятностей, закрыть собой от любой беды и напасти. Правда, я тут же шикнула на не в меру разошедшееся воображение и опустила взгляд. Не хватало еще засматриваться на какого-то незнакомца!

– Я запомнил ваше имя, леди Браге, – музыка не перекрывала голос моего партнера. Низкий, немного бархатистый, он звучал так нежно, так вкрадчиво, так ласкающе. – Оно чудесно. Эвелин. Белый цветок.

Я удивленно подняла глаза и наткнулась на обжигающий взгляд.

– Откуда вы знаете? – вопрос сам собой сорвался с моих губ.

Эвелинды или превиксы были единственными цветами, которые росли только в Артаме, в окрестностях угольных шахт. Маленькие серебристые головки качались на тонких ножках среди черной отработанной породы и выглядели нежными и беззащитными, но это была только видимость. На самом деле они выдерживали сильные заморозки и были очень выносливы и к дождям, и к продолжительным засухам, и к первому снегу.

– Я бывал в Артаме, – темно-карие глаза ярко блеснули, а на четко очерченных губах появилась мимолетная улыбка. – Вы – настоящее дитя своего края, леди Браге. И ваша нежная красота так же быстро пленяет сердце, как и бесконечное небо вашей родины.

От этих слов у меня что-то дрогнуло внутри. И в горле комок появился. И вспомнился родной город, темно-синее ночное небо, яркие звезды, висящие над крышами невысоких особнячков.

– Вы скучаете по дому? – словно подслушав мои мысли, спросил мужчина, и мне неожиданно захотелось рассказать ему, как сильно я люблю Аухвайне, как хорошо мне жилось там с родителями, как весело было в детстве кататься с горок и играть с братом.

Я уже открыла рот, собираясь поделиться своими мыслями… И закрыла его, задумавшись, с чего вдруг решила разоткровенничаться с человеком, которого совершенно не знаю. Когда тетушка рассказывала мне о том, как вести себя на вечере, она упомянула, что дебютантка может танцевать с любым, даже с незнакомым мужчиной, хотя в обычной жизни это не приветствуется. А из подслушанных у леди Вонк разговоров я знала, что на таких балах с дебютантками часто норовят познакомиться всякие повесы и любители молоденьких девочек. Не для серьезных отношений, разумеется.

Я снова посмотрела на своего партнера. Похож он на повесу? Да кто ж разберет? Я ведь с ними никогда не сталкивалась. Сказать по правде, так у меня и опыта такого нет. Пока мои ровесницы отплясывали на балах и покоряли мужчин, мне приходилось работать на леди Вонк и лишь ночью, когда удавалось припрятать огарок свечи, читать романы и мечтать о принце,

который приедет однажды в Аухвайне и увезет меня в свой замок. Правда, когда наступало утро, я забывала об этих глупых мечтах и возвращалась в реальную жизнь, с ее грязными каминами, немытыми полами и всепроникающей угольной пылью, этим вечным врагом всех аухвайненских хозяек.

– Я не представился, – обрывая мои мысли, сказал мужчина. – Эрнст Овенбау, герцог Равенский. Надеюсь, вы простите мою забывчивость, но я был так очарован вашей красотой, что совсем упустил из виду необходимые формальности.

Он улыбнулся, в этот момент музыка заиграла громче, и у меня в душе возникло ощущение полета, то самое, когда хочется сесть на санки и съехать вниз с самой высокой ледяной горки.

– Я – давний друг вашей тети, – продолжил Овенбау. – И, надеюсь, с вами мы тоже подружимся. Я бы очень этого хотел.

Он продолжал говорить что-то еще, но я его не слышала. Выходит, Овенбау знал, что я – родственница леди Шарлотты?

Я присмотрелась к герцогу внимательнее. В изгибе полных чувственных губ мне почудилось что-то порочное, а в глазах, всего на миг, мелькнул расчетливый огонек, и это заставило задуматься.

Выработанная годами привычка никому не верить снова подняла голову. Увы. Я и хотела бы обманываться, принимая комплименты Овенбау за чистую монету, но весь опыт моей небольшой жизни говорил только об одном – верить никому нельзя. Тем более, магам. Тем более – богатым магам.

Ощущение полета бесследно исчезло. Музыка в зале стихла. Парконс закончился, как и моя глупая эйфория, и я снова вернулась с небес на землю.

– Благодарю за танец, – целуя мое запястье, сказал герцог, а потом выпрямился, накрыл руку своей и тихо спросил: – Вы ведь не откажете мне в следующем?

Его голос был нежным, взгляд – восхищенным и почти обожающим, но на меня они больше не действовали. Это в романах принцы делают предложения нищим героиням. В жизни все иначе.

– Простите, но я неважно себя чувствую, – состроив умирающую физиономию, еле слышно пролепетала я.

Где-то внутри все еще звучала нежная мелодия парконса, но я не желала ее слушать. Чутье, что всегда предупреждало об опасности, настойчиво требовало держаться настороже, не доверять чужакам, особенно, родовитым магам. Что-то слишком много их крутится вокруг меня в последнее время.

– Как жаль. Хотите, я отведу вас на балкон? Свежий воздух мигом вернет вам силы, – предложил Овенбау.

– Благодарю, но не стоит. Я лучше вернусь к тетушке, – не выходя из образа, ответила я.

В этот момент оркестр заиграл мазурку, и все пришло в движение: кавалеры приглашали дам, в центре уже выстраивались фигуры танца, дебютантки, в ожидании партнеров, нервно хихикали и жеманно прикрывались веерами.

– Могу я предложить свою помощь? – не отставал герцог, и меня стала раздражать эта чрезмерная настойчивость.

– Нет, благодарю.

– Что ж, прошу меня простить, – вынужден был откланяться Овенбау.

Я понаблюдала, как исчезает в толпе заметная высокая фигура, а потом скользнула за колонну и облегченно выдохнула. Мое положение слишком неопределенно, чтобы доверять таким вот «принцам». Да и не нужны они мне. Вот дождусь совершеннолетия и заживу своей собственной жизнью. Пусть небогатой, но свободной и счастливой.

Музыка стала громче. Она накатывала веселыми волнами, увлекая за собой и предлагая пуститься в пляс, заставляя забыть об осторожности и насладиться вечером. Похоже, дирижер обладал сильным даром. Только магия способна так ярко передать нужный посыл. Помню, когда мама учила меня игре на фортепиано, она всегда подчеркивала, что музыкант обязательно должен вкладывать в свою игру всю душу, только так он сможет тронуть сердца слушателей. «Не жалей эмоций, Эви, – любила повторять она. – Они вернутся к тебе, усиленные овациями и откликом благодарной публики». Маменька знала, о чем говорила. До замужества она была известной пианисткой, и на ее концертах всегда был полный аншлаг. Эх, если бы я могла пойти по ее стопам…

Я вздохнула и огляделась по сторонам. Пары слаженно повторяли фигуры танца, в воздухе медленно плавали светящиеся шары, по стенам легко скользили разноцветные огоньки, словно магические светлячки тоже танцевали мазурку. Ощущение сказки усиливалось с каждой минутой. Никогда не думала, что бал – это настолько красиво!

Я поправила оборки платья и подошла к распахнутому окну. Снаружи была ночь – прохладная, расцвеченная сверкающими огнями, околдованная ранней весной, живая. Она грезила о чем-то и смотрела на меня так ласково, что внутри робко расцвела надежда на счастье. Может, зря я во всем ищу подвох? Может, беды остались в прошлом, а впереди меня ждет что-то очень хорошее? Взять хотя бы того же герцога. Чего я на него взъелась? Может, у него на уме не было ничего дурного…

Я так задумалась, что не успела понять, что произошло. Пол под ногами внезапно качнулся, в глазах потемнело, я пошатнулась и попыталась найти хоть какую-нибудь опору, а уже в следующую секунду почувствовала, что меня ухватили за руку и куда-то потащили. Единый… Что происходит?! Куда меня ведут? И почему я ничего не вижу? Кто-нибудь, помогите! Пожалуйста!

Неожиданная слепота вызывала такой ужас, что мне хотелось громко визжать, но заклятие немоты сдавливало горло стальным ошейником, не позволяя проронить ни звука.

Где-то веселились люди, лилась музыка, раздавался смех, но с каждым пройденным шагом все это отдалялось, звучало все тише, а стук моих каблучков становился громче, эхом отдаваясь от стен.

Я понимала, что нужно успокоиться и подумать, что делать, но если бы это было так просто! Ноги против моего желания шли вперед, а я по-прежнему ничего не видела, только чувствовала чужую руку, вцепившуюся в запястье, да в нос бил аромат сладких, до приторности духов. Он дурманил голову и вызывал нестерпимую тошноту. Может, в нем и заключается сила заклятия? Помнится, я читала о подобном – магическое воздействие с помощью запаха. Что, если это оно и есть?

Я попробовала зажечь на ладони огонек, но ничего не вышло. Безмолвно произнесла еще парочку заклятий, и тоже впустую. Магия меня не слушалась. Абсолютно!

И вот тут меня накрыл настоящий ужас. Это что же получается? Я совершенно беззащитна перед неизвестным?

Так, только не волноваться. Надо стряхнуть чужую волю, выбраться из-под магического воздействия. У меня получится.

Я собралась с силами и попыталась остановиться, но ничего не вышло. Тело меня не слушалось. Оно покорно выполняло приказ неизвестного мага, а я, запертая внутри, ничего не могла сделать.

Единый, что за наваждение?! Никогда о такой магии не слышала!

Ноги механически несли меня вперед, в неизвестность, запястье ныло от прикосновения чужих пальцев, но я не слышала ничьих шагов, кроме своих собственных. А потом острый ноготь коснулся моей ладони, и я неожиданно остановилась. Не по своей воле, разумеется.

Где-то рядом послышался скрип открывшейся двери, неизвестный больно толкнул меня в спину, и я упала коленями на мягкий, пушистый ковер. Дверь тут же захлопнулась, и за ней раздались удаляющиеся шаги. А ведь до этого я их не слышала.

«Помогите!» – кричало все внутри меня, но из скованного немотой рта не долетало ни звука.

Вокруг тоже было тихо. Или меня лишили не только голоса и зрения, но еще и слуха? Да нет, не может быть.

Я прислушалась, постояла немного, опираясь ладонями на толстый ворс, а потом чуть сдвинулась вперед и поползла, ощупывая руками ковер и пытаясь понять, где нахожусь. Вскоре под пальцами заскользил холодный паркет. Я продвинулась еще немного и уперлась в стену. Осторожно опираясь на нее, поднялась с колен и пошла, вытянув перед собой руки и стараясь сообразить, куда меня занесло. Где-то в глубине души билась паника, но я не позволяла ей взять верх над разумом. Стоит только поддаться – и все, считай, что ты проиграл.

Пальцы наткнулись на какое-то препятствие. Что это может быть? Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что передо мной старомодный балдахин кровати. В современном Кроненгауде такие мало кто использует, разве что самые замшелые аристократы. Даже леди Шарлотта давно избавилась от этих свидетелей глубокой старины.

Это что же, меня привели в чью-то спальню?

В голове появилась догадка, от которой захотелось громко выругаться.

Значит, кто-то решил развлечься с дебютанткой? Единый… Ну уж нет! Ничего у этого негодяя не выйдет! Пусть я не могу видеть, но тело-то меня слушается, а значит, надо убираться отсюда и поскорее.

Я двинулась вперед, нащупывая край кровати. «Так, Эви, главное, не раскисать, – приказала самой себе. – Все обязательно получится».

Минуты растянулись в часы. Я слушала собственное сбивающееся дыхание, и старалась не думать о том, что будет, если не сумею выбраться.

Я обязательно выберусь. Мне бы только до двери дойти.

Не успела об этом подумать, как услышала характерный звук. Шаги. Кто-то шел по коридору. Сердце зашлось от страха. Неужели не успела?!

В этот момент неизвестный остановился, раздался скрип открывающейся двери, я невольно отступила назад, запнулась за какой-то непонятный предмет мебели и снова очутилась на полу.

– Леди Браге? – послышался знакомый голос. – Что вы здесь делаете?

– Здесь – это где? – тщетно пытаясь подняться, спросила у Каллемана.

Да, это был именно он. Глава императорской магической полиции собственной персоной. Не знаю почему, но страх куда-то испарился. Постойте, я что, снова могу говорить? Но тогда почему я все еще ничего не вижу?

– В моей спальне, – последовал сухой ответ.

– Это ваша спальня? – пробормотала, пытаясь выпутаться из бесчисленных оборок бального платья.

Единый, да что ж за напасть? Ярды легкого шелка спеленали меня, почище веревки!

– Дайте руку, – недовольно процедил Каллеман и, не дожидаясь ответа, ухватил мою ладонь и дернул вверх, вынуждая подняться. – Что с вашими глазами?

В голосе главы магполиции прозвучало подозрение.

Стоп. Это что же получается, Каллеман ничего не знает о произошедшем? И это не он меня сюда приволок? Тогда кто? А главное, как мне теперь быть?

– Не знаю, – произнесла вслух ответ на собственный вопрос, но Каллеман принял его на свой счет.

– Сядьте, – произнес недовольный голос.

Единый, этот мужчина вообще умеет радоваться жизни?

Мне под колени ткнулось сиденье стула.

– А теперь, рассказывайте, – так же недовольно произнес маг, и мне показалось, что он наклонился очень близко, я даже его дыхание на своей щеке ощутила. – Ну? – поторопил он меня.

Да, похоже, галантность и вежливость главе магполиции совсем не знакомы. Или они ему по должности не положены?

– Леди Браге? – голос мага прозвучал на полтона ниже.

– Я стояла в зале, а потом неожиданно пол под ногами качнулся, кто-то схватил меня за руку и потащил за собой, – объяснила в ответ. – Только я не видела, кто.

– Ну-ка, – моего лица коснулись прохладные пальцы. – Интересно, – пробормотал Каллеман. – Заклинание Кравитус. Зажмурьтесь покрепче.

Я сделала, как он велел.

– Астаро панавиус арон, – произнес маг и приказал: – Открывайте.

Я распахнула глаза и с облегчением выдохнула. Слава Единому! Зрение вернулось. И первое, что я увидела, была пугающая чернота чужого взгляда. Лицо Каллемана оказалось так близко, что я невольно отшатнулась, вызвав на тонких губах мужчины кривоватую усмешку. Правда, она тут же исчезла.

– Тихо, – поднял руку маг.

Он замер, прислушиваясь к чему-то, а потом распахнул соседнюю дверь и резко произнес:

– Заходите!

– Что, простите?

От неожиданности я даже растерялась.

– Зайдите в кабинет и молчите. Сюда идут.

– Кто?

– А вот это мы сейчас и узнаем.

На худощавом лице снова появилась кривая улыбка, от которой у меня засосало под ложечкой.

– Чего стоим? Живо! – шикнул на меня маг, и я, подхватив юбку, без разговоров скользнула в соседнюю комнату.

– И постарайтесь не шуметь, – велел Каллеман, закрывая за мной дверь.

Я только головой покачала. Кто бы мог подумать, что бал дебютанток обернется такими странными приключениями, и что я окажусь в спальне человека, видеть которого хотела бы меньше всего на свете?!

Правда, развить тему не получилось. Из соседней комнаты послышался громкий стук, следом раздались голоса, среди которых выделялся высокий голос леди Шарлотты, и я приникла к двери, стараясь понять, что происходит.

– Лорд Каллеман, простите за вторжение, – мялся какой-то мужчина. Вот я прям по голосу поняла, что он готов сбежать при первой же возможности. – Мы приносим свои извинения, но поступил тревожный сигнал, который мы обязаны проверить.

– В чем дело? – холодно спросил маг.

– Понимаете, пропала девушка, – произнес уже другой мужчина, и я узнала того самого стражника, что приходил в дом герцогини в вечер побега. – Дебютантка, – неуверенно продолжил он. – И есть основания полагать, что…

– Где моя племянница? – перебила его тетушка. – Что вы с ней сделали?

Вот уж дивны дела Единого! Тетушка и магстража заодно! Нечасто такое увидишь.

Я еще плотнее приникла к двери, в надежде расслышать каждое слово.

– Не понимаю, о чем вы, – голосом Каллемана можно было заморозить море.

– Ах, прекратите эту комедию! Что вы сделали с моей девочкой? – взволнованно произнесла тетушка. – Она здесь? Эви! Эви, отзовись!

Я закусила губу. Это что же получается? Кто-то приволок меня в комнату Каллемана, а после натравил на мага герцогиню Авенау, одну из самых влиятельных дам Кроненгауда? М-да… И кому ж вы так мешаете, милорд?

А за дверью разворачивалось настоящее сражение. Тетушка рвалась в бой, наступая на Каллемана и требуя вернуть «ее бедное дитя», стражники тушевались и старались ее утихомирить, а Каллеман даже не пытался ничего отрицать.

Я так живо представила, как он стоит, скрестив на груди руки, и глядит на леди Шарлотту равнодушным взглядом черных глаз, что не смогла сдержать усмешку. В этом бою тетушке достался очень достойный противник. И не факт, что выиграет именно она.

– Что тут происходит?

О, а вот и новые действующие лица! Наместник собственной персоной! Он-то здесь что забыл?

– Лорд Каллеман, потрудитесь объяснить, что все это значит?

Голос лорда Дантера звучит глухо. Я так и вижу, как он сверлит Каллемана пристальным взглядом недобрых карих глаз, прикрытых круглыми стеклами очков.

– Боюсь, я и сам не очень хорошо понимаю, Ваше сиятельство, – спокойно ответил Каллеман.

– Мерден?

Ага, похоже, наместник решил переключиться на стражников.

– На магпульт поступил сигнал о том, что было применено запрещенное заклинание в отношении одной из дебютанток, – откашлявшись, доложил Мерден. – Все следы вели в покои лорда Каллемана, – немного смущенно добавил он.

– Я требую, чтобы вы нашли мою племянницу! – вмешалась леди Шарлотта. – Ваше сиятельство, это просто возмутительно! Бедная девочка впервые во дворце, она совершенно неопытна и беззащитна!

Голос герцогини звучал непривычно громко, а волнение в нем было таким неподдельным, что я невольно задумалась. А может, зря я выискиваю в поступках тетушки двойное дно? Что, если она и впрямь ко мне привязалась?

Весь опыт моей прежней жизни говорил, что это не так, но маленькая девочка, все еще живущая внутри, очень хотела верить в чудо. Разве это так невозможно, когда родные тебя любят? Разве так не должно быть?

«Очнись, Эви, – шепнула здравая половина меня. – Ты сегодня на редкость легковерна и наивна. Леди Шарлотта пять лет не вспоминала о твоем существовании, и ты всерьез считаешь, что за три месяца она сумела полюбить тебя всей душой? Какая глупость!»

– Если прислушаться к сигналу магпоиска, девушка и сейчас здесь, – негромко сказал Мерден. – Вот, посмотрите, Ваше сиятельство.

Я услышала тонкий однообразный писк.

– И что вы на это скажете, лорд Каллеман? У вас есть объяснения? – спросил наместник.

– Где моя племянница? – одновременно с ним подала голос леди Шарлотта. – Что вы с ней сделали? Лорд Дантер, я требую, чтобы покои лорда Каллемана тщательно обыскали!

– Лорд Каллеман, вам есть, что сказать?

Наместник говорил негромко, но внушительно. И я будто воочию увидела перед глазами совиный нос и тонкую перемычку очков.

– Обыскивайте, – голос мага звучал совершенно спокойно, а я отпрянула от двери и обвела глазами комнату, пытаясь сообразить, что делать. Если меня обнаружат, с репутацией придется попрощаться. Не сказать, чтобы я так уж сильно ею дорожила, но и становиться изгоем в кроненгаудском обществе тоже не хотелось бы. И потом, Каллеман. Как бы я ни отно-

силась к имперцу, но отправлять его в тюрьму за похищение, которого он не совершал, было бы слишком жестоко.

Взгляд упал на колышущиеся от ветра занавески.

Я сняла туфли, осторожно подошла к приоткрытому окну, распахнула его и высунулась наружу. Так, и что мы имеем? Второй этаж, внизу – клумбы, значит, фасад дворца, выходящий на площадь, – с другой стороны, и меня никто не увидит. До соседнего окна идет неширокий каменный карниз.

Я прикинула расстояние, покосилась на оборки платья, сняла пояс, примотала к нему завязки туфель и закинула на шею. А потом перегнулась через подоконник и задумалась, что будет, если я все-таки упаду. Расстояние до земли казалось внушительным. Простым ушибом тут не отделаешься. Не хотелось бы руки-ноги переломать. А с другой стороны, с чего это я должна непременно упасть? Опыт ведь никуда не делся? Раньше мне часто приходилось выбираться из дома леди Вонк именно таким вот нетривиальным способом. Правда, там все-таки не так высоко было.

– Что ж, приступайте, – раздался голос наместника, и я поняла, что времени на размышления больше нет.

Единый, помоги!

Стараясь не шуметь, подняла подол платья, перемахнула через подоконник и ступила на узкую каменную полосу. Замерла ненадолго, вцепившись руками в выступающие каменные узоры, а потом медленно сдвинулась вправо, стараясь не смотреть вниз и не представлять, что будет, если я туда свалюсь. Шаг. Еще один. И еще.

– В шкафах проверьте, – услышала долетевший из комнаты голос Мердена и невольно подумала, что Каллеман оказался в том же положении, в каком не так давно были мы с тетушкой. Наверное, если бы не собственное бедственное положение, я бы не отказала себе в удовольствии позлорадствовать. Но сейчас все мои мысли были только об одном – удержаться на этом ресовом карнизе!

– Тут никого, – донесся до меня голос Мердена.

– Вы хорошо посмотрели?

А это тетушка. Волнуется. Или только делает вид.

– Да, миледи. И магпоиск ничего не показывает. Похоже, ошибка вышла, и ваша племянница где-то в другом месте.

– Но где? Куда она могла деться? Девочка никогда раньше не была во дворце! Если с ней что-то случилось, вы все потеряете свои места, я вам это гарантирую.

В интонациях леди Шарлотты зазвучал знакомый металл.

– Не волнуйтесь, миледи, мы обязательно ее отыщем, – усердствовал Мерден.

Голос его прозвучал подозрительно близко.

– Из дворца она никуда не ушла, если понадобится, мы обыщем каждую комнату, – сказал капитан и уже тише пробормотал: – Надо же, вроде, не жарко, а у него окно нараспашку.

На подоконник легла крупная ладонь, и в мою сторону повеяло крепким табаком.

Единый, только бы Мерден не решил выглянуть наружу!

– Вот сразу видно, все у этих дартов не как у людей.

Капитан буркнул еще что-то, но я не разобрала. Похоже, это было незнакомое мне ругательство.

– Если у вас все, я попросил бы покинуть мои покои, – неожиданно раздался рядом с окном голос Каллемана.

Маг говорил невозмутимо и сухо, без малейших эмоций. Поразительный человек! За насильственное похищение с применением магии ему могла грозить тюрьма, а он ведет себя так, словно ничего не случилось.

– Лорд Каллеман, надеюсь, вы возглавите поиски и сделаете все, чтобы найти пропавшую дебютантку?

Я без труда разобрала высокомерные интонации наместника и мысленно усмехнулась. О да, лорд Каллеман лучше всех может справиться с этой задачей!

– Сделаю все, что в моих силах, – ответил маг, и я расслышала в его словах едва уловимую иронию. Впрочем, сомневаюсь, что ее заметил кто-то еще. – Капитан, доложите все, что вам известно, – приказал он. – А вы, миледи, пройдите с сержантом Якобсоном, он проводит вас в свободные покои, где вы сможете отдохнуть, пока мы, – он подчеркнул это мы, – заняты поисками.

Тетушка что-то ответила, но я не разобрала ни слова, а потом стало тихо. Видимо, все перешли в другую комнату.

Я покосилась вниз и сильнее вцепилась в выступающие кирпичи.

«Да, Эви, только ты могла попасть в такую глупую ситуацию! Это ж надо! Прийти во дворец на бал, а оказаться в спальне постороннего мужчины. И ладно бы только в спальне, но нет! На карнизе!»

– Ну? И зачем вы полезли в окно?

А вот и сам мужчина. Я сдула со лба выбившиеся из прически волосы и ответила:

– Считаете, было бы лучше, если бы меня обнаружили в ваших покоях?

– Никто бы вас не обнаружил, – хмыкнул Каллеман. – Давайте руку.

Я посмотрела вниз, потом бросила взгляд на мага и сделала крошечный шажок в его сторону. Странное дело – стоило опасности исчезнуть, как вся моя бравада куда-то испарилась.

– Да не трусьте вы, – буркнул Каллеман.

Он потянулся ко мне, ловко перехватил за талию и втащил в комнату.

– А теперь спрашиваю еще раз: какого реса вы полезли на карниз? – поставив на пол, но не торопясь выпускать из своих объятий, спросил маг.

– А я вам еще раз отвечаю: чтобы меня не нашли в вашей спальне!

Я смотрела в близкие черные глаза и против воли тонула в их устрашающей темноте.

– Никто бы вас здесь не заметил, я заклинание невидимости наложил, – голос мага звучал так равнодушно, что мне стало обидно.

Я тут едва ли не жизнью рискую, чтобы его шею от виселицы спасти, а ему это совершенно безразлично.

– Простите, но я об этом не знала, – переборов возмущение, вернулась к образу белокурой глупышки. – Я так испугалась, что неизвестным образом оказалась на карнизе.

Я прерывисто вздохнула, поправила оборки платья и уставилась на Каллемана максимально честным взглядом.

– Значит, неизвестным образом, – задумчиво повторил маг и выглянул в окно, оценивая расстояние до земли.

– Именно так, – вздохнула в ответ и поторопилась перевести разговор: – Так вы их найдете? Тех, кто меня похитил?

– Найдем, – повернувшись ко мне, сказал Каллеман, и по его губам скользнула хищная улыбка. Скользнула и исчезла, мне даже показалось, что ее не было.

– А что делать мне? Там тетушка… Она волнуется.

Я стиснула руки, а потом вспомнила, что так и не обулась, и потянулась к висящим на шее туфлям.

Каллеман молча уставился на мои ноги. Под этим пристальным взглядом обуваться было не очень удобно, но я справилась.

– Идемте, – резко произнес маг.

Дождавшись, пока я выпрямлюсь, он открыл дверь, пропустил меня вперед, и вышел следом.

– И запомните, вы просто заблудились. Захотели подышать воздухом, свернули не туда, и вместо балкона забрели на третий этаж, в библиотеку, где вас и обнаружил капитан Мерден, – идя рядом со мной по коридору, негромко говорил он.

– Но ведь меня обнаружили вы!

– Об этом лучше помалкивать, если не хотите неприятностей, – отрезал Каллеман. – Я проведу вас в библиотеку, а потом отправлю туда капитана. И вы очень обрадуетесь, когда он вас найдет, понятно?

– Да. Уверена, это будет очень радостная встреча, – подтвердила я, скрывая за простодушным тоном неуместную иронию.

Маг покосился на меня, словно что-то заподозрив, но я ответила честным взглядом и для убедительности пару раз взмахнула ресницами. Их длина позволяла легко добиться нужного кукольного эффекта.

– А если мы сейчас кого-нибудь встретим?

– На нас заклятие невидимости, – неохотно признался маг и спросил: – Надеюсь, вас не нужно предупреждать, чтобы вы никому ни о чем не рассказывали?

– А о чем?

Если уж играть – так до конца.

– О том, что с вами произошло, – после секундной паузы терпеливо сказал маг.

– А, вы про то, как я потерялась? Но как же я объясню тетушке, где была?

– Вам достаточно придерживаться той версии, что я уже озвучил. Справитесь?

– Да, конечно, – с готовностью закивала в ответ. – Я разволновалась после танца с наместником, пошла на балкон, чтобы подышать свежим воздухом, но по дороге свернула в какой-то коридор и заблудилась. А потом я нашла библиотеку, а там было так много книг…

– Отлично. Именно так и скажете, когда вас будут расспрашивать. Мы пришли, – распахивая дверь, произнес Каллеман. – Сядьте вот там у окна и возьмите в руки книгу.

– Какую?

– Любую.

Я прошла к большому, удобному на вид креслу, взяла с ближайшей к нему полки первую попавшуюся книгу и уселась, чинно положив ее на колени.

– Отлично, – окинув меня внимательным взглядом, сказал Каллеман. – Так и сидите. И не вздумайте никуда уходить.

– Ну что вы, я никуда не уйду! – воскликнула я, но Каллеман меня уже не слышал. Он рванул на себя дверь и быстро вышел, видимо устав общаться с глупой провинциалкой.

Я вздохнула и покосилась на оборки платья. Вот сразу видно, что его сшили при помощи магии – ни единого пятнышка, ни один волан не оторвался, и это несмотря на то, что ему пришлось пережить!

Я погладила тонкий шелк, и в этот момент услышала в коридоре шаги. Они приблизились к библиотеке, замерли перед дверью, а потом та распахнулась, и на пороге возник Мерден.

– Леди Браге?

На лице стражника мелькнуло удивление, но ему на смену тут же пришло облегчение.

– Слава Единому, вы нашлись!

– Простите, а что случилось?

Я оторвалась от книги, которую якобы читала, и растерянно посмотрела на капитана стражи.

– Ваша тетушка с ног сбилась, ищет вас по всему дворцу.

– Ой!

Я вскочила, уронив книгу, и уставилась на Мердена широко распахнутыми глазами.

– Я совсем забыла! Тетушка!

– Леди Браге, как вы здесь оказались? Стража вас обыскалась, лорд Каллеман лично занимается вашими поисками, а вы…

– Ох, вы знаете, это как-то случайно вышло! Я собиралась подышать свежим воздухом – понимаете, в зале было так много людей, и эта духота… Я искала балкон, но видимо куда-то не туда свернула и заблудилась. А потом нашла библиотеку, а тут книги, и… Я совсем забыла о времени!

Я замолчала и испуганно приложила пальцы к губам.

– Тетушка меня убьет! – произнесла трагическим шепотом.

– Ну что вы, леди Браге, не надо так волноваться.

Мерден неловко переступил с ноги на ногу и смущенно пригладил усы.

– Герцогиня будет счастлива, что вы нашлись целой и невредимой, – добавил он. – Пойдемте, я вас к ней отведу.

– Ах, вы необыкновенно любезны!

Я улыбнулась капитану и пошла к выходу, стараясь выглядеть как можно естественнее, а сама раздумывала о том, поверит ли тетушка в мой рассказ и как мне ее убедить, что я говорю правду.

***

К счастью, все обошлось. Когда леди Шарлотта увидела меня и услышала объяснения Мердена, она не задала ни одного вопроса. Только поблагодарила капитана за старание и, погладив меня по щеке, заявила, что мы уезжаем.

– Пойдем, Эви, – тонкие пальцы крепко ухватили мое запястье. – Будем считать, что твой дебют состоялся. По крайней мере, половина магической стражи тебя точно запомнила.

Она посмотрела на столпившихся в комнате солдат, перевела взгляд на невозмутимого Каллемана и слегка нахмурилась.

– Думаю, с выходами в свет тебе стоит пока повременить, – тихо добавила она и направилась к двери, так и не выпустив моей руки.

А я переставляла ноги в ставших неудобными туфлях, и испытывала непреодолимое желание оглянуться на Каллемана. Интересно, что он думает? Сумел разобраться, кто так явно желает ему зла? Или, как и я, всего лишь строит догадки?

– Эви, не отставай, дорогая, – поторопила леди Шарлотта, и мне пришлось прибавить шаг.

Спустя несколько минут мы вышли из дворца, сели в подъехавшую карету и отправились на Оллен-брау. Но у меня перед глазами так и стояло худощавое лицо с иронично изогнутыми губами и сверкающим взглядом. И мне казалось, что еще немного – и я пойму, что за ним скрывается. Сумею разобрать мысли и чувства мага.

Зачем мне это нужно? Не знаю. Но имперец был самым необычным человеком из всех, с кем мне довелось встречаться, и пробуждал такое любопытство, совладать с которым было просто невозможно.

Герцогиня молчала, напряженно уставившись на собственную трость, а я смотрела в окно, но видела не пролетающие мимо дома и сверкающие витрины магазинов, а загадочно мерцающие черные глаза.

***

Двор перед особняком блестел зеркальными лужами. Мокрые деревья недовольно, словно нахохлившиеся вороны, кивали кронами, и их молодая листва казалась неприятно брюзгливой. Не весна, а промозглая осень какая-то!

Карета подъехала к самому крыльцу, дверцы распахнулись, и мы вышли на мокрую брусчатку.

– Ваша светлость.

Гроу поспешно подал руку герцогине, оттеснив грума.

Сразу видно, старается, замаливает недавнюю промашку.

– Эвелин, в кабинет, – строго посмотрев на меня, велела тетушка. Ее словно подменили.

Она вошла в дом, а я поплелась следом, размышляя о том, что меня ждет. Неприятный зуд между лопаток пророчил скорую и неминуемую расправу, и я была с ним согласна. Тут и к гадалке не ходи, и так понятно, что леди Шарлотта вряд ли оставит мой проступок безнаказанным.

Стоило нам подняться на второй этаж и войти в услужливо распахнутую лакеем дверь, как тетушка прошла к окну, повернулась ко мне и приказала:

– Сядь.

Набалдашник трости указал в сторону кресла, в котором еще не так давно я вытерпела допрос Каллемана.

– А теперь, рассказывай, – велела герцогиня.

Она не стала садиться. Стояла у окна, строгая и величественная, в пошитом по моде прошлого столетия платье, в большой, закрывающей пол лица шляпе, и смотрела на меня невыносимо ледяными глазами. Никогда раньше не думала, что черный – это цвет опасности. Но сейчас, столкнувшись с высшими магами, поняла, что слишком мало знала о жизни.

– Что, тетушка? – тихо спросила в ответ.

– Не пытайся изображать передо мной невинную овечку, – холодно усмехнулась герцогиня. – Оставь это для мужчин.

Она скрестила руки на серебряном набалдашнике и посмотрела так, будто раздумывала, сразу меня съесть или потом.

– Но я правда не понимаю… Я рассказала все, как было!

– Упорствуешь?

Черные глаза нехорошо блеснули.

– Нет, тетя.

– Не строй из себя наивную дурочку, – небрежно махнула рукой герцогиня. – Мне прекрасно известно, что ты не так глупа, как кажешься, и сейчас ты должна понять, что не стоит мне лгать. Я все равно узнаю, что произошло.

– Но я не лгу!

– Вздор! – пристукнула тростью герцогиня. – Ты была в комнате Каллемана, не отпирайся, я почувствовала запах твоих духов. Что ты там делала? Он заманил тебя? Похитил? Не молчи, Эви! Этот человек надругался над тобой?

– Тетушка, о чем вы говорите? Лорд Каллеман не мог…

– Не мог? Знаешь, какая слава тянется за ним из Дартштейна? О, я выяснила все про этого мерзкого человека!

– Но тетя…

– Говори, Эви. Говори все, что он с тобой сделал, иначе я запру тебя в подвале, пока ты не образумишься!

– Но лорд Каллеман ничего мне не сделал, я его даже не видела!

– Он тебя трогал?

– Нет, тетя!

– Значит, по-хорошему ты не хочешь? – спокойно спросила герцогиня. – Ладно. Гроу! – позвала она.

– Миледи.

Дворецкий тут же вынырнул из-за двери. Подслушивал, как всегда.

– Отведи леди Эвелин в подвал и запри ее там до завтрашнего вечера. Еды не давать. Только воду.

– Слушаюсь, миледи, – с готовностью кивнул Гроу и повернулся ко мне. – Прошу, леди Эвелин.

Его выпуклые бесцветные глаза довольно блеснули.

Еще бы! Я ведь была свидетелем его унижения, а теперь сама оказалась в таком же незавидном положении!

Я поклонилась тетушке и пошла за дворецким, размышляя о том, что намерение Каллемана отправить меня в тюрьму все-таки сбылось.

Глава 3

Ночь. Холод. Низкие своды подвала. Они нависали темной глыбой, и мне казалось, что я чувствую тяжесть дома на своих плечах.

Со времени моего заключения прошло уже несколько часов. А может и вся ночь, не знаю. В узкой клети подвала не оказалось ни одного окошка, даже самого малюсенького, ни одной щели, сквозь которую можно было бы увидеть небо. Что тут скажешь? Тетушка выбрала весьма действенное наказание. Да только я не собиралась сдаваться. Вряд ли леди Шарлотта поверит, если я, как она и требует, скажу правду, зато Каллеман точно попадет под подозрение. Я ведь не видела того, кто использовал заклинание Кравитус, и не могу с уверенностью сказать, что им был не имперец, а этого достаточно, чтобы обвинить Каллемана и добиться его заключения под стражу.

Понять бы еще, кто и для чего устроил столь странное похищение. Мне на ум приходило только одно – это был тот, кто хотел навредить Каллеману. Учитывая характер имперца, не удивлюсь, если у него куча врагов, желающих ему зла, а я оказалась всего лишь орудием, с помощью которого неизвестный рассчитывал добиться своей цели. Что может быть страшнее, чем похищение юной неопытной дебютантки, совершенное с помощью запрещенной магии? И если в Дартштейне подобное сошло бы с рук, то у нас, в Кроненгауде, где до сих пор действуют старые законы, за такое преступление можно и головы лишиться.

Я поежилась и обняла себя руками, пытаясь хоть как-то согреться.

Странно все-таки закрутилась моя жизнь. Столько лет ничего не происходило, тянулось тягучей карамелью, а тут вдруг одно за другим пошло. Переезд к герцогине Авенау, встреча с беглым преступником, знакомство с главой имперской магической полиции, допросы, бал, похищение.

Я вспоминала, что случилось за последние три месяца, и понимала, что все упирается в мой приезд в Амвьен. Стоило мне оказаться в доме герцогини, как стали происходить все эти странные вещи. Взять, к примеру, недавнего беглеца. Как он исчез? Что это за магия такая? И почему он испарился именно из тетушкиной конюшни, тогда как под кустом можжевельника мог всего лишь дрожать и хрипло просить о помощи? А Каллеман? Почему он не забрал меня в тюрьму, как собирался? Он ведь мог, я знаю. У него для этого и полномочия есть, и даже герцогиня не смогла бы его остановить. В империи магические преступления считаются самыми опасными, и если за тебя взялась магстража, никакие связи и высокие покровители не помогут. А я способствовала побегу человека, обвиняемого в магическом преступлении. Да за одно это меня можно было отправить в Саухвайне!

Бр-р… Что ж так холодно-то?

Я размышляла о своей жизни и ходила из угла в угол, в жалкой попытке согреться, но сырость подвала была непобедима.

– Протеро, – стуча зубами, в очередной раз зажгла на ладони маленький огонек.

Он погорел совсем недолго и погас. Проклятье! В этом ресовом подвале даже магия не слушается!

Я вздохнула и разгладила ладонями тонкий шелк платья. Ткань неприятно холодила пальцы, скользя под ними невесомыми стрекозиными крыльями – прозрачными и совершенно бесполезными. Да уж. Более неподходящей одежды для подобного заключения сложно было и придумать. Наверное, тетушка именно на это и рассчитывала. Дескать, посидит упрямая девчонка пару минут в ледяном подвале, и одумается. Да только герцогиня ошиблась. Мне не привыкать к холоду. И к темноте тоже. В маленькой комнатке, в которой я жила в доме леди Вонк, не было ни камина, ни аров, ни даже обычных свечей – леди Вонк предпочитала эконо-

мить на всем. Точнее, на всех, кроме себя. Поэтому мне пришлось приспособиться и к холоду, и к темноте. Вот только моя прежняя одежда все же больше подходила для подобных условий.

Я снова зажгла огонек и, глядя на маленький оранжевый язычок, пляшущий на моей ладони, задумалась. Странно все-таки, что наместник лично пришел разбираться с Каллеманом. И тетушка… С чего она вдруг подняла тревогу? Я провела в спальне мага от силы минут десять-пятнадцать, даже если прибавить еще десять на дорогу и пять, которые мы с Каллеманом потратили на разговор, то выйдет всего-навсего полчаса. И это не то время, за которое можно было бы обнаружить мое отсутствие и устроить переполох.

Так что же получается? Тетушка знала, где именно меня искать? И как она так быстро спелась с магстражей? Неужели решила с моей помощью отомстить Каллеману?

Я поежилась. А наместник? У него могла быть своя выгода в этом деле? Что, если ему нужен предлог, чтобы избавиться от мага? Да, они оба прибыли из Бреголя, но это ничего не значит. Вполне возможно, что лорду Дантеру вовсе не по душе присутствие Каллемана в Кроненгауде, и он желал бы убрать его отсюда любым возможным способом.

Я не раз слышала, как леди Кроу рассказывала леди Вонк о своей жизни в Бреголе и о придворных интригах. Если верить подруге моей благодетельницы, двор – то еще змеиное гнездо, где каждый готов подставить и утопить другого, лишь бы добиться тепленького местечка.

Огонек тихо зашипел и погас, а я села на пол и вытянула уставшие ноги. Да, сейчас я с удовольствием поменяла бы красивые, но ужасно неудобные бальные туфельки на старые ботинки леди Селии. И от грубого шерстяного платья не отказалась бы. И от теплой клетчатой шали.

Не успела подумать об этом, как воздух странно задрожал и словно бы расслоился, и у стены появился тонкий лучик света. Он был робким, едва заметным и напоминал белого мотылька, бьющегося в темноте в поисках выхода.

Я настороженно наблюдала, как луч становится шире, распадается на длинные нити, расслаивается… Единый! Мне кажется, или я вижу за ним расплывчатый мужской силуэт? Что за ресовы шутки?

На лбу выступила холодная испарина. Что делать? Какие еще неприятности готовит мне странный вечер? Правда, не успела я толком испугаться, как на лестнице раздались шаги, и загадочное видение мгновенно пропало. Нежели неизвестный тоже услышал, что кто-то идет?

Я вздохнула и машинально нащупала за подкладкой корсажа монетку, которую всюду носила с собой. Теплый металл рассеял страх и придал уверенности. Все будет хорошо. Я со всем справлюсь. Обязательно.

Шаги были все ближе, мне даже показалось, что я расслышала стук каблуков. Неужели тетушка решила отменить наказание? Или это не тетушка? Впрочем, кто бы это ни был, он появился очень вовремя. Или, наоборот?

Подумать об этом я не успела. Дверь со скрипом отворилась, и в подвал, в сопровождении несущего свечу Гроу, вошла герцогиня.

– Эви?

Тетушка посмотрела на меня и нахмурилась.

– Немедленно поднимись! – велела она.

Я встала и постаралась не дрожать, но леди Шарлотта все равно заметила, как трясутся мои руки.

– Мне невыносимо видеть тебя в этих сырых стенах, дорогая, – тихо сказала она. Набалдашник трости ярко сверкнул в свете свечи. – Надеюсь, ты осознала свою неправоту?

– Да, тетя, – покорно кивнула в ответ.

– И ты скажешь правду?

На секунду мелькнула предательская мыслишка. А может, выложить все, как было? Какое мне дело до императа? Почему я должна страдать из-за человека, едва не отправившего меня в тюрьму? Правда, я тут же представила, что своими словами могу подвести невиновного под арест и вздохнула. Тетушка не остановится. Она, видимо, решила отомстить Каллеману за недавнее унижение, и хотела отплатить ему тем же, заставить оправдываться и унижаться. Нет, не спать мне сегодня в теплой постели.

– Я все расскажу, тетя.

– Что ж, я слушаю, Эви.

– Я вышла подышать свежим воздухом и заблудилась, – начала я и полностью повторила прежнюю версию событий.

– Вижу, ты упорствуешь в своей лжи, – процедила герцогиня.

Ее лицо потемнело, в глазах загорелся недобрый огонь.

Мне даже не по себе стало, но сдаваться я не собиралась. Герцогиня ведь не знает наверняка, лгу я или нет, вот и не стоит давать ей на будущее повод для сомнений. Как говорил Келд Пятак, негласный предводитель уличных мальчишек Аухвайне, если уж врешь, то нужно стоять на своем до конца. И верить в то, что говоришь правду, тогда и остальные рано или поздно поверят. А уж он знал, о чем говорил. Даже когда леди Вонк велела всыпать парнишке двадцать плетей за кражу булки, он продолжал уверять, что и ноги его в нашем доме не было.

– Простите, тетушка, но я не лгала. Я действительно заблудилась. Дворец наместника такой большой.

– Эви!

Взгляд герцогини стал невыносимо холодным, гораздо холоднее, чем воздух подвала.

– Что ж, видит Единый, я хотела избавить тебя от этого, но раз ты упрямишься, будешь сидеть здесь до утра. Гроу, – она кивнула дворецкому и вышла, а тот бросил на меня возмущенный взгляд и с грохотом закрыл железную дверь.

Все-таки ужасно неприятный человек! Вот недаром я его с первого дня невзлюбила.

Гроу докладывал хозяйке обо всем, что происходит в доме. Порой мне даже казалось, что дворецкий еще и от себя кое-что добавляет, для пущего эффекта, ведь после его докладов многие слуги получали взыскания и штрафы. Правда, со мной он старался быть вежливым и предупредительным, но следил не меньше, чем за всеми остальными. Если даже не больше.

Я снова опустилась на пол, обхватила плечи руками и устало вздохнула. На душу навалилась апатия, и даже недавнее странное видение больше не пугало. Подумаешь, луч света. Может, мне все просто померещилось? А что? В этой проклятой темноте чего только не увидишь.

Мысли снова вернулись к минувшему вечеру. Танец с наместником, танец с Каллеманом, – или это был допрос? – танец с Овенбау, похищение, разговор с имперцем, узкий карниз под ногами… Вот уж не думала, что мой первый бал закончится именно так. Хотя, с другой стороны, все закономерно. Слишком уж я размечталась. А судьба, как всегда, обрубила глупые мечты на корню.

Я плотнее обняла себя руками и прикрыла глаза. Тишина давила на уши. Холод проникал под кожу. Время тянулось медленно, как незастывшая пастила, и мне неожиданно вспомнилась темная кухня, большие медные тазы, доверху наполненные яблочным сиропом, бесконечные противни с темно-золотыми слоями подсыхающей пастилы, полные руки Милли, ловко снимающей готовые листы и сворачивающей их в аккуратные рулеты.

Мне так явственно представились длинные коричневатые трубочки, что рот наполнился голодной слюной. Эх, сейчас бы отломить кусочек кисло-сладкого лакомства! А если еще стакан молока выпить и ломоть хлеба съесть…

Не знаю, сколько я просидела на ледяном полу. Может, час, а может, и всю ночь. Изредка я дремала, но громкий писк мышей тут же будил, не позволяя надолго забыться сном. Перио-

дически я вставала и подолгу ходила из угла в угол, меряя шагами свою темницу и недобрым словом поминая тетушку. А потом снова принималась размышлять о том, для чего она вытащила меня из Аухвайне. Какие только мысли не приходили мне в голову! И большинство из них были не слишком оптимистичными. Что, если леди Шарлотта собирается использовать меня в каком-нибудь ритуале? А может, ей нужна моя жизнь? Милли рассказывала, что Поглотители способны с легкостью забрать чужую жизненную силу. Правда, леди Вонк, когда услышала это, назвала кухарку глупой гусыней, и велела не повторять народные суеверия. Но, кто знает, может, Милли была права?

И тут же мысли вернулись к тому странному лучику, что появился в моей «темнице» перед приходом тетушки. Откуда он тут взялся? Может, за мной кто-то следит? Но кому это нужно? Неужели Каллеману? Я снова вспомнила мрачную черноту его взгляда и вздохнула. Наверное, если бы это был имперец, я бы даже обрадовалась. Знакомое зло как-то понятнее, чем неизвестное.

Звук открываемой двери заставил отвлечься от тревожных размышлений.

На порог упал отблеск света, потом он стал шире и ярче, и я увидела руку в форменном сюртуке, держащую свечу. Следом взгляд выхватил из темноты начищенные ботинки на толстой подошве, черные брюки и серый пикейный жилет. Гроу. Интересно, что он забыл в подвале?

– Леди Эвелин, ступайте за мной, – спустившись в мое «узилище», заявил дворецкий. Его гладко выбритая физиономия выглядела до нелепого напыщенной.

Я настороженно посмотрела на него и переспросила:

– Мое заключение окончено?

– Ее светлость желает вас видеть, – важно пояснил дворецкий. Золотые пуговицы тускло блеснули. – Миледи велела вам переодеться и прийти в гостиную.

Я поднялась с пола, молча обошла слугу и направилась к выходу. Ноги затекли, шею ломило, все тело казалось деревянным и с трудом меня слушалось, но я не хотела выглядеть слабой, поэтому упрямо тянула подбородок вверх и старалась держать спину прямо. Ступенька, вторая, третья – лестница вывела из подвала в узкий коридор для слуг. В первый момент, оказавшись наверху, зажмурилась. Мне показалось, что я ослепну, настолько ярким был льющийся из окон свет, однако постепенно глаза привыкли. Вскоре коридор закончился, я очутилась в холле первого этажа и свернула налево, к своей комнате.

– Зря вы упрямитесь, леди Эвелин, – идя за мной, пыхтел Гроу. – Леди Шарлотта не терпит лжи. И если вы будете продолжать покрывать злоумышленника, она может вернуть вас обратно в ту дыру, из которой вы приехали. Вам всего-то и нужно, что сказать правду, – продолжал уговаривать меня Гроу.

Интересно, это он из собственного усердия старается, или тетушка ему приплачивает за подобную лояльность?

– Можете мне не верить, но я и так говорила чистую правду, – вздохнула в ответ.

Я решила до конца держаться своей версии. Да и что мне оставалось?

– Напрасно вы упорствуете, леди Эвелин, – покачал головой дворецкий. – Было бы лучше…

Я не стала слушать ненужную проповедь и, скинув неудобные туфли, быстро пошла к своей спальне. Ноги подгибались от усталости, меня трясло от холода, но перспектива терпеть нудные нравоучения дворецкого перекрывала все.

– Леди Эвелин! – раздался раздосадованный возглас Гроу. – Подождите!

Еще чего! Пока он преодолеет восемь ро, пройдет не меньше десяти минут! Да я за это время успею добежать до своей комнаты и выспаться.

Я из последних сил припустила быстрее и, оказавшись в своих покоях, захлопнула за собой дверь. А потом без сил рухнула на кровать и раскинула руки, пытаясь отдышаться.

– Леди Эвелин! Впустите меня! Немедленно! – послышался вскоре недовольный голос. – Леди Эвелин!

Я не шевелилась. Потяжелевшие веки не позволяли открыть глаза.

– Я буду вынужден доложить Ее светлости о вашем неподобающем поведении!

Беги, докладывай… Пока ты добежишь до гостиной, пока вернешься обратно, я как раз успею прийти в себя. После бессонной ночи в холоде подвала мне было наплевать и на дворецкого, и на герцогиню, и на то, что меня ждет. Единственное, чего мне хотелось – это лежать в теплой постели и не шевелиться.

– Леди Эвелин! – не унимался дворецкий. – Откройте! Мэри, беги за ключами, – велел он служанке, но я с трудом расслышала его слова и спустя пару секунд уже сладко спала.

Разбудили меня громкие голоса, раздающиеся рядом с кроватью.

– А я тебе говорю, буди! – гундел дворецкий.

– Да вы только посмотрите, какая она бледненькая, – препиралась с ним Мэри. – Пусть хоть немного отдохнет, бедняжка. Это ж надо, всю ночь в сыром подвале провести!

– А лорд Каллеман, значит, ждать будет, пока она выспится? Буди, сказал!

Меня как ледяной водой окатили. Каллеман здесь? Интересно, что он забыл в доме герцогини?

Я с трудом открыла глаза. Голова гудела, словно соборный колокол. Ноги казались распухшими и одновременно онемевшими. Во рту было сухо, как в поле в летнюю засуху. Я даже вкус пыли на губах ощутила, как бывает, когда идешь по выжженной солнцем проселочной дороге.

– Леди Эвелин, это возмутительно! – недовольно процедил Гроу, и я невольно поморщилась.

Голова пульсировала тупой болью, и каждое слово дворецкого падало на затылок тяжелым камнем.

– Ее светлость и лорд Каллеман уже десять минут ждут вас в гостиной, – не отставал Гроу. – Вставайте, живее! Нужно торопиться.

– А зачем пришел лорд Каллеман?

Я постаралась скрыть неприязнь и взглянула на Гроу едва ли не благожелательно.

– Не могу знать, – чопорно ответил тот, не желая поддаваться на мой тон. – Поторопитесь, леди Эвелин. Мэри, помоги леди Браге одеться, – повернулся он к служанке. – Я буду ждать за дверью.

Мэри коротко кивнула и достала из шкафа светлое утреннее платье, а дворецкий вышел, но дверь прикрыл неплотно, оставив небольшую щель. Видимо, собирался подслушать, о чем мы будем говорить.

Только я не собиралась предоставлять ему такую возможность.

Мэри ловко стянула с меня бальный наряд, подала свежее белье и сорочку и помогла надеть платье, а потом быстро поправила мою прическу, и все это молча, за что я была ей очень благодарна.

И только когда все было готово, она посмотрела в глаза моему отражению и тихо шепнула:

– Удачи, миледи.

А вслед за этим мне в руку ткнулась булочка, которую Мэри достала из кармана передника.

– Спасибо, – одними губами поблагодарила служанку и вышла из комнаты.

***

– Эви, ты заставляешь себя ждать.

Голос тетушки звучал спокойно, из него полностью исчезли былые металлические нотки. Но я смотрела не на нее, а на сидящего в одном из кресел мужчину. Взгляд словно приклеился к его лицу, пытаясь прочитать по нему, зачем он пришел.

– Леди Браге.

При моем приближении маг поднялся и отвесил короткий поклон – небрежный, можно сказать, почти невежливый. Впрочем, я еще ни разу не видела, чтобы глава магполиции общался как-то иначе. Казалось, Каллеману было глубоко плевать на окружающих, и он даже не трудился этого скрыть.

– Лорд Каллеман.

Я не улыбалась. Под взглядом тетушки это было совершенно невозможно.

Молча прошла к соседнему креслу, села и выжидательно посмотрела на леди Шарлотту.

– Лорд Каллеман пришел, чтобы задать тебе несколько вопросов, Эви, – пояснила герцогиня.

Сейчас, глядя на нее, трудно было представить, что именно эта женщина заперла меня на всю ночь в подвале.

– Я готова на них ответить, – ровно сказала в ответ и потянулась к стоящему на столике графину. Под взглядом тетушки наполнила бокал водой и выпила. А потом не удержалась и налила еще.

– Вы продолжаете утверждать, что восемь дней назад не видели под своими окнами незнакомца?

– Продолжаю, – кивнула, глядя в непроницаемые черные глаза.

– Вы уверены в этом?

В вопросе мага мне послышался отголосок каких-то эмоций.

Вообще, Каллеман сегодня выглядел немного иначе, чем в наши прошлые встречи. Мне показалось, его что-то мучает изнутри. И лицо у него было еще более худым, чем обычно, а длинная полоска шрама, тянущаяся от правой щеки до воротника сорочки и уходящая вниз, была особенно заметной.

В душе неизвестно от чего шевельнулась жалость.

– Да, уверена, – преодолев нелепое чувство, ответила магу и поставила бокал на стол.

– Видите? – вмешалась герцогиня. – Я вам говорила то же самое.

– И вы продолжаете утверждать, что не оказывали помощь неизвестному беглецу? – не обратив внимания на ее слова, продолжил Каллеман.

– Нет, не оказывала.

Голова закружилась, и я вцепилась в подлокотник, стараясь удержаться на месте. Не хватало еще упасть в обморок прямо под ноги мага! То-то он обрадуется!

– Вы говорите правду, леди Браге?

Зрачки в угольно-черных глазах имперца стали алыми.

– Да, лорд Каллеман.

Губы механически произносили слова, но я с трудом понимала, что говорю. Головокружение все усиливалось, вокруг плавали белые мушки, в ушах шумело. Единый, и зачем Мэри выбрала голубое платье? У него слишком узкий лиф. Давит так, что совершенно нечем дышать.

– Эви? – долетел до меня встревоженный голос тетушки. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, миледи, – собрав волю в кулак, кивнула в ответ. – Я могу идти?

Я посмотрела на тетушку, от души надеясь, что та побоится при Каллемане отправлять меня обратно в подвал.

– Иди, дорогая, – спустя пару секунд кивнула та, задумчиво глядя мне в глаза.

Замечательно. Значит, наказание отменяется.

– Если вы не против, я хотела бы немного прогуляться, – поторопилась закрепить успех.

Как бы плохо я себя ни чувствовала, мне не хотелось оставаться в особняке. Нет, лучше уж вырваться из-под надзора герцогини. Хоть ненадолго.

Тетушка отвечать не торопилась. Она смотрела на меня, и в ее глазах отражалось сомнение.

– Что ж, хорошо, – сказала леди Шарлотта, бросив незаметный взгляд на Каллемана. – Мэри проводит тебя в сад.

– Я рассчитывала пройтись до площади Аурвайне. Сегодня такая хорошая погода.

– Но это слишком далеко, – в голосе леди Шарлотты прозвучало предупреждение, которое я предпочла не заметить.

– Что вы, тетушка! Всего два квартала от Оллен-брау!

Я беспечно улыбалась, а сама молилась, чтобы герцогиня согласилась.

В гостиной стало тихо. Так тихо, что мне показалось, будто я слышу мысли леди Шарлотты.

– Что ж, возьми карету, – сказала, наконец, тетушка.

– Если вы не возражаете, я бы прогулялась пешком.

Каллеман внимательно прислушивался к нашей беседе. Конечно, маг не мог знать об ее истинной подоплеке, но, видимо, он что-то почувствовал, потому что слишком уж пристально наблюдал и за мной, и за леди Шарлоттой.

***

На улице было солнечно. Яркие лучи весело плясали по крышам, отражались в окнах домов, в оставшихся после вчерашнего дождя лужах, в золотых куполах собора. Город казался умытым и чистым. Сочная весенняя листва и зелень газонов навевали мысли о грядущем лете, и я невольно улыбнулась, подставив лицо теплым лучам. Холод подвала все еще ощущался где-то глубоко внутри, но уже не казался таким страшным. К тому же, стоило оказаться на свежем воздухе, как мне сразу стало легче. И усталость куда-то делась, и головокружение. И настроение немного улучшилось.

Я шла вдоль невысоких оград, разглядывала прохожих и думала о вчерашнем бале. И о Каллемане. Странный он все-таки. Так сразу и не поймешь, что маг за человек – хороший или плохой? С одной стороны, он едва не забрал меня в тюрьму, а с другой – я не чувствовала в нем злобы и подлости. Не сказать, чтобы я так уж хорошо разбиралась в людях, но гнилое нутро всегда чувствовала. Взять хотя бы тетушку. Когда она впервые появилась в доме леди Вонк, меня такой ужас объял, что я с трудом смогла сделать реверанс. А когда леди Шарлотта велела подойти и взяла меня за руку, пристально вглядываясь в глаза, я не сумела скрыть пробежавшую по телу дрожь, и она ее почувствовала. До сих пор помню, как дрогнули крылья точеного носа, каким хищным стало выражение тонкого прекрасного лица, как участилось дыхание герцогини. Я ощущала это, видела, и смотрела на новоявленную тетушку со смесью страха и удивления.

Наверное, именно тогда она и уверилась в моей недалекости. А я потом старательно поддерживала этот образ. До вчерашнего дня. Боюсь, минувшая ночь нанесла непоправимый урон моему былому скромному облику.

Резкий гудок мобиля вырвал меня из невеселых мыслей. Я повернула голову вправо и тут же отскочила, пропуская мчащийся на скорости моб. Надо же, так задумалась, что не заметила, как вышла на дорогу.

Внимательно осмотревшись, перешла на другую сторону и двинулась к площади десяти фонтанов – Аурвайне.

Ее было видно издалека. Звонкие струи воды взмывали в небо, замирали на долю секунды и падали вниз, в круглые мраморные чаши, рассыпаясь белой пеной и миллионами

брызг. Ровно в центре, окруженный фонтанами, возвышался памятник королю Генриху II. Черный мрамор блестел от стоящей в воздухе влажной взвеси, а морда коня, на котором сидел монарх, казалась взмыленной.

Я прошла до самого края площади, уселась на одну из лавочек, куда не долетали вездесущие капли, достала из кармана булочку и откусила. М-мм… Сахарная присыпка растаяла на языке, и мне показалось, что ничего вкуснее я в жизни не ела. Жаль, что булочка так быстро закончилась.

Я вытерла платком руки и уставилась на падающие в фонтан потоки воды. Думать ни о чем не хотелось. И так всю ночь размышляла – и что толку?

Солнце ласково целовало лицо, касалось волос, пригревало плечи. Оно успокаивало и утешало, как добрая бабушка. Ну, это я так думала, потому что опыта общения с настоящей бабушкой у меня никогда не было. Точнее, я помнила два портрета – строгой и чопорной леди Марии, родительницы папеньки, и красавицы леди Софии, матушки моей мамы. Сами почтенные леди давным-давно покоились в могилах, а мне на память о них достался лишь медальон с локоном белокурых волос, да рассказы маменьки о полной приключений жизни леди Софии.

Мысли становились все бессвязнее, глаза сами собой закрылись, и я не заметила, как уснула.

Проснулась от ощущения чужого взгляда.

– Лорд Каллеман?

Сердце встревоженно замерло, а потом забилось часто-часто, как пойманный в силки зверек.

– С вами все хорошо? – спросил маг, глядя на меня своим обычным нечитаемым взглядом.

Его чернота была полной и всепоглощающей, не оставляющей места ни мыслям, ни чувствам, ни эмоциям.

– Да, – едва сумела выдавить в ответ.

В горле враз пересохло, то ли от страха, то ли от предчувствия грядущих неприятностей.

– Что ж, в таком случае, прошу меня извинить, – слегка склонил голову маг.

Он развернулся и стремительно двинулся прочь, и тут меня словно пружиной подкинуло.

– Лорд Каллеман!

Я поднялась и сделала шаг вперед.

– Леди Браге?

Маг обернулся и посмотрел на меня.

– Можно задать вам вопрос?

Я подошла ближе и остановилась в нескольких ро от Каллемана.

– Слушаю.

Лицо мага выглядело бесстрастным, но глаза загорелись интересом.

– У вас есть враги? – решившись, выпалила на одном дыхании.

– Разумеется, – усмехнулся маг.

– И вы их знаете?

– К чему эти вопросы, леди Браге?

– Понимаете, я подумала, что вчерашнее происшествие… Мне кажется, кто-то хотел вас подставить!

– Вы так считаете? – голос Каллемана звучал ровно, но я почувствовала проскользнувшую в нем насмешку.

– Ну да, – сделав вид, что не заметила ее, закивала в ответ.

– Не беспокойтесь, леди Браге, – криво усмехнулся маг. – Я сумею разобраться со своими врагами.

Он едва заметно дернул плечом, а потом достал из серебряной бонбоньерки зеленую пастилку и кинул ее за щеку.

А я смотрела на него, и чувствовала, как снова начинает кружиться голова, как перед глазами появляются белые мушки, как закладывает уши и вокруг становится удивительно тихо… А потом свет погас, как будто кто-то задул солнце, как гигантский бирольный ар, и я провалилась в темноту.

***

Он держал на руках легкое, почти невесомое тело, и ругался так, как не ругался уже много лет. Мысленно, разумеется. Он давно научился держать себя в руках, считая эмоции проявлением слабости. Да и не было у него никаких эмоций, и быть не могло. Последние несколько лет так уж точно.

В памяти некстати всплыли обвинения Аврил, искаженное отчаянием лицо, гневные слова… «У тебя вместо сердца – камень!», – кричала Ави, а он смотрел на нее и ничего не чувствовал. Абсолютно ничего. Даже странно. Пять лет она была его любовницей, делила с ним кров и постель, верила в него и надеялась, что сумеет привязать к себе, дождется заветного предложения. Но так и не сумела победить ту пустоту, что прочно обосновалась в его душе.

Эрик внимательно посмотрел на бледное личико. Сейчас, когда девица почти не дышала, она еще больше походила на красивую куклу. Нежная фарфоровая кожа, длинные ресницы, короткий вздернутый нос, пухлые губы – кто знает, что на самом деле скрывается за этой безобидной внешностью?

Он не верил ни одному ее слову, ни одному невинному взгляду, приправленному милой провинциальной наивностью. Ложь. Все ложь.

Еще и герцогиня… Старая змея слишком опасна. Два брака, обеспечивших не слишком родовитой дворяночке высокое положение, магия Поглотителей, близость к бывшему кроненгаудскому регенту, участие во всех более-менее значимых событиях кроненгаудской истории последних трех десятилетий – это было все, что он сумел узнать о леди Штолль. Но вот выяснить, что происходило с герцогиней с тех пор, как Кроненгауд вошел в состав империи, и понять, для чего Штолль забрала к себе эту девицу, до сих пор не удалось. Что такого особенного в леди Браге? Обычная аура средненького бытовика, приправленная молодым идеализмом и долей провинциальной наивности. Разве это могло привлечь герцогиню? Тогда почему она держится за эту девицу, почему защищает ее так, что готова натравить на него Дантера?

Вспомнился недавний разговор с наместником, и Эрик пробормотал ругательство. «Нельзя злить местное дворянство, граф, – отчитывал его Дантер, а он был вынужден молча слушать разглагольствования любимчика Вильгельма. – Герцогиня Авенау – одна из самых значимых фигур бывшего двора, и мы должны сделать все возможное, чтобы она оставалась на нашей стороне. Вы ведь понимаете, что ее лояльность удерживает остальных от неподчинения новой власти?»

Все он понимал. Все. Да только нет у него времени на расшаркивания с местной элитой. Дело стоит. Свидетелей нет. А ту единственную, что может сказать хоть что-то, он толком и допросить не может, потому что ее тетя, видите ли, нужна императору.

Рес! Слишком мало данных. Местная полиция на сотрудничество идет неохотно. Дерек был прав, когда предупреждал его об упрямом нраве кронов.

Он пристально вгляделся в бледное лицо девицы и снова выругался.

Рес подери, что с ней не так? Кто она на самом деле, и почему любое общение с ней заканчивается странными происшествиями? Такое ощущение, что леди Браге их просто притягивает. Интересно, с чего она вдруг решила лишиться чувств и рухнуть именно к его, а ни к чьим другим ногам?

Он проверил, девица не притворялась. Сердце ее билось медленно, еле слышно, и дыхание было почти незаметным.

И что прикажете с ней делать?

Он уложил юную леди на скамью, легонько похлопал по щекам, ослабил завязки платья, но не добился никакого эффекта.

– Рес! – выругался вслух, и снова добавил: – Рес!

А потом подхватил невесомое тело, открыл портал и переместился в свои покои. А куда еще? Выйти за пределы Кроненгауда значило оставить магический след. Нет. Такой роскоши он не мог себе позволить.

***

Тепло. Мягкое, пушистое, с ароматом вербены и лаванды, нежное и ласковое, как руки мамы. Оно окутывало все тело и напоминало о детстве. Я так явственно представила залитую солнечным светом гостиную небольшого коттеджа на Лирен-штрассе! И снова увидела папу, сидящего в кресле и просматривающего утренние газеты, и маму, разливающую чай из моего любимого чайника – белого, с нежными розочками по краям чуть надколотого ободка, и старую Молли, подкидывающую в весело пылающий камин яркие желтые поленья. И Освальда, довольно хрустящего стянутым со стола печеньем. Брат обожал завитушки из песочного теста и не мог дождаться, пока все сядут за стол, норовил утащить одну. А из открытых окон долетает голос нашей соседки, теры Крайнен. Та ругает своего пса, укравшего из ярмарочной корзинки половинку цыпленка, и грозится выкинуть несчастного дога на улицу, но все вокруг прекрасно понимают, что это лишь слова, и тера никогда в жизни не обидит своего любимца.

Я улыбнулась и открыла глаза. Как там говорила леди Вонк? Дежавю? Точно. Оно самое. Странное слово полностью отражало происходящее. Не было никакого домика на Лирен-штрассе. Огромная холодная комната, такая же огромная кровать, на которой я лежала, позолоченные дверные филенки…Спальня Каллемана.

Я сразу узнала ее по старинному балдахину. На нем были вышиты грифоны и орлы, они еще в прошлый раз показались мне слишком хищными и злыми со своими длинными клювами и темным оперением. О, а вот и сам хозяин покоев! Стоит у окна и смотрит вниз. А что у нас внизу? Те самые клумбы с желтофиолями, на которые я так боялась упасть.

– Очнулись? – не поворачиваясь, спросил маг.

Глаза у него на затылке, что ли? Хотя, скорее всего, просто хороший слух.

– Как вы себя чувствуете?

И снова этот сухой тон. Интересно, маг всегда такой бесчувственный или это только маска?

– Хорошо. Как я здесь оказалась? Меня что, опять похитили?

– Вы лишились чувств на площади Аурвайне, я перенес вас порталом во дворец.

Маг так и не повернулся, продолжая задумчиво смотреть в окно. Похоже, этот мужчина имеет крайне смутные понятия о вежливости.

Я села, покосилась на большое поясное зеркало, висящее напротив кровати, и незаметно поправила растрепавшиеся волосы. А потом поднялась, взяла с тумбочки свою шляпку и посмотрела на крупную, обтянутую темным сукном спину.

– Благодарю вас за помощь, лорд Каллеман, но мне уже пора. Боюсь, тетушка будет волноваться, что меня долго нет.

– Не торопитесь, леди Браге.

Маг обернулся, и по моему лицу полоснул острый взгляд. В уголках тонких губ затаилась хищная усмешка, от которой у меня между лопатками пробежали мурашки. Не иначе, к очередным неприятностям.

– Раз уж судьба свела нас вместе, я не могу не воспользоваться случаем выяснить правду.

– Какую, милорд?

Я старалась говорить спокойно, но внутри все заходилось от волнения.

– Ну то, что вы никогда не видели сбежавшего преступника и уж тем более не помогали ему скрыться, я уже понял, – немного насмешливо произнес Каллеман. – Меня интересует другое. Что именно вы делали в тот вечер?

– Я ведь уже рассказывала.

– Рассказывали, – кивнул маг и неожиданно оказался рядом со мной.

Я не успела заметить ни движения, ни жеста, ни шага. Только что Каллеман стоял у окна, а уже в следующую секунду – вот он, прямо за моей спиной. Так близко, что я даже дыхание его слышу. Оно легкое, мятное, холодом проходится по моей шее и вызывает неконтролируемую дрожь.

– Вот только вы забыли упомянуть, что вызывали духа огня, – почти касаясь губами моего уха, тихо произнес маг, а меня словно молнией с головы до пят прошило. Как он узнал?!

– Я… Я никого не вызывала, – с трудом пролепетала в ответ.

Сейчас мне и играть не нужно было, и так сердце куда-то к туфлям скатилось.

– Напрасно вы упрямитесь, леди Браге.

Голос мага звучит ровно, но в этом спокойствии мне чудится угроза.

– Да говорю же вам, я не владею магией огня!

Я развернулась и посмотрела в вызывающе черные глаза.

Каллеман, не говоря ни слова, резко взял меня за предплечье и подтянул ближе. Так близко, что мой нос уткнулся в одну из пуговиц его сюртука.

– Вы лжете, леди Браге, – резко сказал маг. – И я обязательно докопаюсь до правды. И вот тогда вас не защитит ни имя и связи герцогини Авенау, ни ваша смазливая внешность, ни настоящая или притворная наивность.

– Я вас не понимаю.

– Неужели? А что делали на вашем подоконнике бутыль молока и пирог с мясом? Только не говорите, что любите есть по ночам.

В черных глазах загорелись красные угли. Тонкие губы скривились в жестокой усмешке. Вдоль рта обозначились резкие складки.

Такой Каллеман пугал меня похлеще реса. Пугал, и в то же время притягивал. Я, как глупый мотылек, стремилась к алым всполохам его глаз, хотя прекрасно понимала, что ничем хорошим это не закончится.

– Люблю, – голос сел и звучал сипло, как спросонья. – Я часто беру еду с собой в комнату.

Каллеман издевательски кивнул головой.

– Что ж, я так и думал. Запомните, Эвелин, – резко сказал он, опустив и обязательное «леди», и минимальную долю вежливости. – Вы все расскажете. И только вам решать, произойдет ли это добровольно, или же мне придется применить силу и прочитать вас.

Единый… Он что, Чтец?!

– Вы не посмеете! – вскинула взгляд на мага и даже на цыпочках потянулась, неосознанно пытаясь заглянуть в самую глубину его глаз, где в чернильной темноте тлели опасные красные огоньки.

– Еще как посмею.

– А я расскажу тете, что произошло вчера вечером, и вас арестуют!

– Вы так считаете?

Усмешка мага стала снисходительное.

– Что ж, желаю удачи. Только не забудьте, что вашей собственной репутации придет конец.

– Ну и пусть! – запальчиво выдала в ответ. – Мне все равно.

Ответить маг не успел. В дверь соседней комнаты настойчиво постучали.

– Ваше сиятельство, откройте! – послышался встревоженный голос Мердена.

Я посмотрела на главу магполиции. Что ж, выходит, я была права. Высший. Маг из Первой когорты. Граф.

– Лорд Каллеман! Мы вышли на след Вандау.

Маг сверкнул на меня глазами, без слов приказывая вести себя тихо.

Я переборола желание сделать наоборот и замерла, уставившись на открытую дверь кабинета. Все-таки дежавю – страшная вещь! Если уж оно случилось, то будет преследовать вас с утомляющей периодичностью.

Пока я раздумывала, Каллеман сделал неуловимый жест, навесив на меня какое-то заклинание, ощущаемое легким покалыванием, стремительно шагнул в соседний со спальней кабинет и захлопнул дверь. А я постояла секунду, осторожно приблизилась к ней и прислушалась. А что еще оставалось?

– Милорд, мы нашли человека, утверждающего, что он видел Вандау, – докладывал Мерден.

– И где он сейчас?

– В допросной, Ваше сиятельство.

– Что ж, идем.

Идем? А я? Неужели маг оставит меня в своих покоях?

До меня донесся скрип, звук поворачиваемого ключа, а потом все стихло, и я поняла, что снова оказалась заперта в чужой спальне.

Единый! Это становится недоброй традицией!

Я попыталась открыть ту дверь, что вела из спальни в коридор, но она не поддалась. Замечательно. И что прикажете делать? Проклятый Каллеман! Мало мне тетушки, так еще и он на мою голову свалился!

Я обвела взглядом большую неуютную спальню и задумалась. Может, судьба что-то хочет мне сказать? За два дня это мой второй визит в покои главы магполиции. Что, если это вовсе не случайность?

«Конечно, не случайность, Эви, – встрял внутренний голос. – Если уж связалась с дартом, то теперь только успевай поворачиваться».

Я подошла к большому старинному шкафу. Интересно, если устроить небольшой… осмотр, маг узнает? Или нет? Но что он хотел, оставляя в своих покоях постороннюю девицу? Разве ему не известно, что женский пол весьма любопытен и не в силах устоять перед искушением сунуть нос куда не следует?

Вот я и сунула. Вместительные внутренности шкафа оказались заполнены однообразными темными костюмами и плащами. Я даже удивилась, зачем магу так много совершенно одинаковой одежды. Вся она была пошита из дорогих тканей и имела старинный покрой, косвенно подтверждая принадлежность Каллемана к высшим. Впрочем, в этом я и раньше не сомневалась, достаточно было посмотреть в черные, лишенные даже капли человеческих чувств глаза. Манящие и страшные.

Закрыв дверцы, двинулась дальше, внимательно исследуя пристанище мага. То, что оно находилось во дворце, накладывало свой отпечаток. Тяжелая помпезная мебель, обилие позолоты, резьбы и всяких прочих завитушек, неудобные громоздкие кресла и массивный письменный стол, занимающий едва ли не полкабинета. Стол заинтересовал меня особенно. Многочисленные ящички так и манили протянуть руку и открыть их. Думаете, я устояла? Нет, конечно.

Аккуратно потянула на себя бронзовую ручку и заглянула внутрь. Ровные стопки бумаг, палочки сургуча, чистые конверты. Ничего особенного. Я выдвинула следующий ящик. Кожаные папки с какими-то документами, письма, потрепанный блокнот. Поддев его обложку, про-

листала первые страницы, исписанные мелким убористым почерком, и наткнулась на дважды подчеркнутую запись. «Проверить, что могло быть фаленотром». Фаленотр? Никогда о таком не слышала. Рядом виднелась еще одна подчеркнутая надпись, но разобрать ее я не смогла, так как она была написана на древнедартском. Это сейчас языки всех входящих в империю областей приблизительно похожи, а вот раньше, семьсот лет назад, жители Остенбрюге, Дартштейна и Кроненгауда не всегда понимали соседей.

Я перевернула страницу, и в этот момент раздался тихий мелодичный звон, заставивший меня вздрогнуть. Что за чудеса? Звук шел из угла, где стоял небольшой темный шкафчик со странным канделябром. Вернее, я решила, что это канделябр, но, похоже, это было что-то другое, потому что звук исходил именно от изогнутой металлической штуковины.

Осторожно приблизилась к «канделябру», и в тот же миг из него послышался низкий мужской голос.

– Эрик, ты его нашел?

Я застыла, не зная, что делать. Обнаруживать свое присутствие не хотелось, ведь, судя по всему, незнакомец не догадывался, с кем именно говорит.

– Эрик? Ты меня слышишь?

Похоже, обладатель глубокого баритона насторожился.

Я попятилась и отступила на шаг назад, потом еще и еще.

– Ресова штуковина! Говорил же Освальду, что она не доработана, – недовольно пробормотал неизвестный, и я услышала какой-то треск, а потом все посторонние звуки исчезли, и в комнате снова стало тихо.

«Канделябр» молчал. Я тоже молчала, рассматривая его с приличного расстояния. Подходить ближе боялась. Кто знает, как он работает? Вдруг эта штуковина реагирует на человеческое присутствие? Или на прикосновение. Интересно, кто был тот мужчина? И где он находится?

У меня в голове теснились сотни вопросов, но ответов на них не было, одни предположения. Видимо, Каллеман использует какие-то новые разработки дартских магов. А может, это вообще секретное оружие. И сейчас оно возьмет и…

Стук захлопнувшейся двери заставил меня вынырнуть из размышлений, а вскоре в кабинет уже входил Каллеман. Вид у мага был недовольный. Впрочем, когда этот мужчина выглядел иначе? Он, наверное, родился с таким выражением лица, не иначе!

– Что вы здесь делаете? Я вас где оставил? – с ходу напустился он на меня.

– Я не хотела, чтобы кто-нибудь застал меня в вашей спальне, – ответила часть правды.

– Мы уходим, – буркнул маг и протянул руку, нетерпеливо пошевелив пальцами.

Я даже не сразу поняла, чего он хочет, но Каллеман не дал мне времени на раздумья. Он сделал шаг вперед, ухватил мою ладонь и крепко сжал.

– Только не вздумайте визжать, – сумрачно глядя мне в глаза, предупредил он, и воздух вокруг нас стал плотным, а потом расслоился, грудь сжало, словно тисками, и мы оказались прямо на площади Аурвайне, рядом с той самой скамьей, на которой я не так давно сидела.

– Это что, мы прошли порталом? – отдышавшись, подняла взгляд на мага.

– Да, – кивнул тот, все еще не выпуская меня из рук и рассматривая с непонятным интересом. Так кот леди Вонк смотрел обычно на пойманную мышь.

Ну уж нет, не хочу я быть такой вот мышью! И подпадать под магию чужого взгляда тоже не хочу. Хватит с меня глупостей!

– Мне нужно идти, – отстранившись, заявила магу.

– Да, разумеется, – все еще не разжимая рук, согласился тот. – Идите.

– Быть может, вы меня отпустите?

Не знаю почему дыхание сбилось, и последние слова я пробормотала еле слышно, каким-то жалким шепотом.

– Да, разумеется, – опомнился Каллеман и отступил назад.

– Всего доброго, лорд Каллеман, – попрощалась я.

– Еще увидимся, леди Браге, – хмыкнул маг, и я поняла, что он не оставил идею меня допросить, а всего лишь отложил ее до более подходящего времени.

Я не стала медлить. Поправила шляпку и направилась в сторону Оллен-брау, отчетливо ощущая на спине пристальный взгляд.

Рядом с площадью кипела и бурлила жизнь: по Вайнен-брау носились мобили, гарцевали всадники, неторопливо катили прогулочные ландо. Яркие солнечные лучи отражались в оконных стеклах домов, золотили начищенные дверные ручки, пробегали по черепичным крышам и прыгали вниз, в оставшиеся после вчерашнего дождя лужи. Жители столицы, привлеченные первым по-настоящему теплым днем, торопились покинуть свои дома и насладиться весной и разлитым в воздухе острым пьянящим ощущением счастья. Оно было удивительно осязаемым, заставляло быстрее биться сердце, вызывало на губах улыбку и дарило надежду на то, что впереди еще много всего хорошего, нужно только верить и ждать.

И я верила. Пройдет совсем немного времени, и я окажусь свободна от опеки тетушки. И смогу найти работу и жить не на чужие, а на свои деньги. И больше не буду ни от кого зависеть.

***

Он смотрел вслед уходящей девушке и испытывал знакомую боль. Она пекла внутри, распространяясь по телу неприятным зудом, туманила голову, застилая пеленой глаза, выворачивала внутренности, давила на мозг, билась в ритме сердца. Тонкая фигурка в светлом платье и маленькой шляпке расплывалась, то удаляясь, то приближаясь, зрение снова подводило, превращая все вокруг в зыбкую серую массу. Люди, мобы, взмывающие в небо струи фонтанов – все казалось ненастоящим. Декорации. Всего лишь декорации к мрачной пьесе жизни. И только уходящая в сторону Оллен-брау девушка виделась единственным ярким маяком в стремительно теряющем краски мире. Проклятье! А вот это уже никуда не годится. Почему из всего многообразия этой ресовой вселенной он отчетливо видит лишь одно – изящную фигурку в голубом, скользящую по серым улицам Амвьена?

Он неожиданно остро ощутил собственное одиночество. Еще пять минут назад ничего подобного и близко не было, а сейчас, стоило выпустить из рук тонкую девичью талию, ударило что-то изнутри, скользнуло стылой тоской, холодом овеяло.

Проклятый приступ. Это из-за него. А девица тут не при чем. И вопросов к ней только больше стало. Что она вынюхивала в его кабинете? Зачем открывала шкаф и ящики стола? Что это – обычное любопытство или попытка найти важные документы?

Кто же вы такая, леди Эвелин Браге, и почему лжете?

Мерден нашел в заборе особняка герцогини незаметный лаз, незащищенный магией. Да и сам дом не особо-то охраняется. Не считать же охраной старые сигналки? Такие уже лет десять как из употребления вышли. Похоже, Штолль настолько уверена в своей неприкосновенности, что даже не озаботилась безопасностью дома.

И он готов прозакладывать собственную жизнь, что именно этим лазом Вандау и воспользовался, недаром же свидетель утверждает, что видел его как раз поблизости. И девица наверняка ему помогла. Понять бы еще, была ли она знакома с Вандау до того, или это просто порыв помочь попавшему в беду человеку?

Эрик знал, как относятся к Черной страже в Кроненгауде. Впрочем, в Дартштейне маг-полицию тоже не особо жалуют.

Внутри снова запекло болью.

Жизнь… Нет, про жизнь это он погорячился. Если так пойдет и дальше, закладывать ему скоро станет нечего.

Он нащупал серебряную коробочку, достал ее, проклиная дрожащие пальцы, и с трудом открыл.

Мятная пастилка попала на язык, растекаясь по гортани горьковатым ментолом, возвращая порядок мыслям и убирая темную муть, захватившую душу.

Проклятье! Ему кажется, или с приездом в Кроненгауд приступы участились?

Плечо само собой дернулось. Участились, в этом и сомневаться не стоит. И проверенное средство больше не помогает. Неужели Дерек был прав? Нет, не может быть. У него еще есть время. Рес подери, он должен успеть. И успеет. Даже если дюжина таких вот хорошеньких Эвелин Браге будет стоять у него на пути!

***

Треск передатчика захлебнулся, а следом раздался еле слышный вопрос:

– У тебя все готово?

– Да, мессир, – так же тихо ответил другой голос.

– Место нашлось?

– Я над этим работаю.

– Слишком долго. Время поджимает, поторопись.

– Слушаюсь, мессир. Не извольте беспокоиться, все будет сделано.

– Помни о нашем уговоре, – прошелестел первый, и в мертвенной тишине снова раздался треск передатчика.

***

До особняка дошла быстро.

Гроу, открывший мне дверь, посмотрел так странно, что я моментально почувствовала грядущие неприятности. Вот просто всей своей не раз битой в прошлом спиной! Моя недавняя благодетельница, леди Вонк, считала розги самым лучшим учителем, и постоянно прибегала к их помощи, когда нужно было меня чему-нибудь «научить». Помню, когда я только переехала к герцогине, то не позволяла Мэри помогать мне одеваться, стесняясь красноречивых следов на теле. Но потом шрамы постепенно исчезли, оставив по себе лишь неприятную память и повышенную чувствительность. И вот сейчас старые рубцы неожиданно заныли, словно намекая о скором появлении новых.

– Миледи ждет вас, – сообщил дворецкий, и на его лице мелькнула многозначительная улыбка.

Похоже, я не ошиблась насчет неприятностей, и они ждут меня вместе с леди Шарлоттой. Или она сама и есть моя главная неприятность?

Внутри все привычно подобралось. Главное, перетерпеть. Не подать виду. Не кричать и не поддаваться панике.

«Держись, Эви. Однажды ты получишь свободу, а ради этого можно вытерпеть все что угодно».

Я молча кивнула Гроу и направилась к гостиной. Ноги запинались. Недавняя весна в душе сменилась холодной зимой. Сердце билось часто, быстрыми толчками разгоняя по телу кровь, а вслед за ним частило и дыхание. Все-таки, как ни готовься к неприятностям, а волнение никуда не денешь.

Я подошла к массивным позолоченным дверям, лакей бесшумно открыл их, и те захлопнулись за моей спиной с характерным щелчком, напомнившим звук сработавшей мышеловки.

– Эви, дорогая, а вот и ты, – на редкость приветливо улыбнулась тетушка, и от этой приветливости невидимые шрамы зачесались сильнее.

Я настороженно покосилась на леди Шарлотту. Та застыла на диване, ровная, как палка, а напротив в одном из кресел расположился какой-то темноволосый мужчина. Знать бы, кто это? Гость сидел ко мне спиной, но при моем приближении он повернулся, и я с удивлением узнала Овенбау. Модный темно-синий сюртук, высокий белый ворот сорочки – герцог выглядел настоящим щеголем. Интересно, что он здесь забыл?

– Тетушка, вы хотели меня видеть? – вопросительно посмотрела на герцогиню, пытаясь по ее лицу понять, чего ждать.

– Эвелин, познакомься, это лорд Овенбау, герцог Равенский, мой давний друг. Эрнст, моя племянница леди Эвелин Браге.

Тетушка протянула ко мне руку, вынуждая подойти еще ближе. Леди Шарлотта сияла такой искренней улыбкой, что мне снова стало не по себе, а призрак ледяного подвала стал удивительно осязаемым.

– А мы уже знакомы, Шарлотта, – улыбнулся гость, разглядывая меня с нескрываемым восхищением. – Я имел удовольствие танцевать с леди Браге парконс на недавнем балу.

Герцог поднялся и отвесил в мою сторону неглубокий поклон, а потом подошел и склонился над моей рукой, целуя не кисть, а тыльную сторону запястья, и это прикосновение вышло таким интимным, что я невольно покраснела и поторопилась отнять ладонь.

– Эви, присядь, дорогая,– указала на место рядом с собой герцогиня.

– Я только что рассказывала лорду Овенбау, какая ты заботливая и внимательная, – пальцы тетушки добрались до моего запястья и впились в него острыми ногтями. – И как мне повезло, что ты со мной рядом. Настоящее сокровище, – сказала леди Шарлотта, обращаясь к гостю, и мне стало любопытно, с чего это тетушка так расщедрилась на похвалу? Такое ощущение, что она не меня, а товар на ярмарке расхваливает.

Я посмотрела на герцогиню, перевела взгляд на лорда Овенбау и вздрогнула. Тот смотрел на меня так, словно хотел проглотить. Мне даже показалось, что на миг я увидела блеснувшие острые клыки, но уже в следующее мгновение они исчезли, и я решила, что мне просто померещилось. Да и немудрено! Со вчерашнего вечера я только и съела, что маленькую булочку.

– Ты наверняка устала после прогулки?

Голос тетушки звучал так заботливо. Герцогиню будто подменили. От ее прежней невозмутимости и важности не осталось и следа. И в глазах светился беспокойный огонь, напоминающий аркуны, горящие на топком болоте. Помню, однажды мы с Милли пошли за грибами и потерялись, проплутав по аухвайненскому лесу до самой темноты. Вот тогда я их и увидела – тревожные яркие сгустки, перебегающие с места на место. Милли сказала, что это души утопленников, неспособные обрести покой. Якобы, они так и бродят впотьмах, пугая случайных путников и заманивая их в самую топь. Слава Единому, в тот раз мы сумели выбраться, но я на всю жизнь запомнила странное манящее чувство, что тянуло душу к странным огням.

– Леди Эвелин, ваша тетя так много рассказывала о вас и вашем добром нраве, – вернувшись к креслу, сказал Овенбау.

– Да, Эви очень скрасила мое одиночество, – подтвердила тетушка, бросив на герцога странный взгляд. Мне показалось, она чего-то ждет от своего друга. Понять бы еще, чего? – Даже не представляю, что бы я без нее делала?

И снова этот быстрый взгляд на гостя, от которого моментально заныли старые шрамы.

О чем она говорит? На что намекает?

– Полагаю, если вашему сокровищу придать достойную оправу, оно засияет еще ярче, – выразительные глаза герцога задержались на моем лице. – И принесет своей благодетельнице уважение и славу.

– Даже не сомневаюсь в этом, – в голосе леди Шарлотты прозвучал такой явственный намек, что мне захотелось задать вслух тот вопрос, что зрел внутри, но герцогиня меня опере-

дила. – Эви, дорогая, ты не сыграешь нам? – посмотрела она на меня. – Я только что рассказывала герцогу, как прекрасно ты владеешь инструментом.

Единый, откуда тетушка узнала? Когда была жива мама, она сама занималась со мной и даже говорила, что у меня хорошие способности, но потом, когда ее не стало, мне редко выпадала возможность прикоснуться к клавишам. Леди Вонк никому не разрешала подходить к ее старенькому клавесину, а у леди Шарлотты я играла украдкой, когда герцогини не было дома. Выходит, она все-таки услышала. Или слуги ей доложили.

– Моя бедная кузина была прекрасной пианисткой, и ее талант несомненно передался Эвелин, – не унималась тетушка. – Ну же, дорогая, сыграй ноктюрн Шенца, я его всегда любила.

Леди Шарлотта кивнула на открытый рояль, и я поняла, что отвертеться не получится.

Под пристальным взглядом двух пар глаз прошла к инструменту, перевернула несколько листов, отыскивая нужное произведение, села и начала играть.

Поначалу пальцы казались деревянными, но постепенно я «разыгралась», и дело пошло лучше. Нежная мелодия ноктюрна будила в душе воспоминания детства, изящные руки мамы, ее красивый глубокий голос, пышные светлые волосы, скромное серое платье и серебряный кулон на груди…

– Очаровательно! – послышался возглас герцога. – Леди Эвелин, вы очень талантливы.

Он поднялся с места, подошел к роялю и заглянул в ноты.

– И вы так тонко чувствуете музыку, – наклонившись ко мне, уже тише сказал он.

– Благодарю, лорд Овенбау, – склонила голову, стараясь не глядеть на гостя.

– Талант! Настоящий талант! – не унимался герцог, и мне снова стало неловко.

– Эви, иди к себе, дорогая, нам с лордом Овенбау нужно обсудить кое-какие дела, – избавляя меня от смущения, негромко сказала герцогиня.

– Да, миледи, – с готовностью поднялась со скамьи и направилась к выходу, радуясь, что испытание так быстро закончилось.

Лакея за дверью не оказалось, и я, украдкой оглядевшись по сторонам, приникла к гладкому полотну в надежде подслушать разговор тетушки и ее гостя.

– Ну что за прелесть твоя подопечная, Шарлотта. Такая нежная, светлая, воздушная… Настоящий розовый бутончик!

Меня передернуло. Скажите пожалуйста! Бутончик…

– Да, Эрнст, Эви – прелестная молодая леди. А какой чудный у нее характер. Она так чиста и неиспорченна, даже удивительно в наше-то время.

Вот значит как. Интересно, чего добивается тетушка, устроив эти смотрины? Неужели хочет выдать меня замуж и породниться с герцогом?

– И вы полагаете, что…

– Кхм-кхм, – раздался за моей спиной негромкий кашель, и я, повернувшись, наткнулась на многозначительный взгляд дворецкого.

– Вас проводить, леди Эвелин? – негромко спросил Гроу.

– Не стоит. Дойду сама.

Я вскинула голову и пошла в сторону своей комнаты, на ходу раздумывая над тем, чем грозит мне интерес Овенбау.

***

Он открыл глаза и настороженно огляделся. Темно. Сыро. Откуда-то издалека доносится шум воды. Река? Похоже на то. И воздух отдает гнилью и тиной. А под щекой что-то мокрое. Грязь? Или кровь?

Эрик поднес руку к лицу и принюхался. Кровь. Свежая. И не его. Хотя и грязи тоже достаточно, хлюпает при каждом движении. Рес…

Поднявшись, посмотрел вокруг, задержавшись взглядом на виднеющихся справа арках моста, перевел взгляд на промокшую одежду и скривился.

Как он здесь оказался? И понять бы еще, здесь – это где?

Голова тупо пульсировала болью, мешая сосредоточиться. Перед глазами снова плавала знакомая муть.

Он пошарил по карманам в поисках бонбоньерки и, не обнаружив ее, громко выругался. Проклятье! Без защитного снадобья Кейт он долго не протянет. Только бы добраться до города…

Шаг, еще один, и еще. Серая пелена колыхалась, словно насмехаясь над ним, и сбивала с пути. Но он привычно старался не обращать на нее внимания.

– Танау рени, – прошептал непослушными губами, открывая портал, а потом шагнул в зыбкую дымку и оказался в холодной тишине дворцовых покоев.

Глава 4

Следующие два дня выдались тихими и ничем не примечательными. Тетушка вела себя так, будто не было ни моего заключения в подвале, ни непонятного знакомства с лордом Овенбау. Она не упоминала о прошлом, да мы почти и не разговаривали. Каждое утро герцогиня в моем сопровождении совершала небольшую прогулку в открытой карете, а вечерами тетушка заставляла читать вслух «Оранио» Гельца, и я по несколько часов декламировала поэмы известного остенского поэта, оставившего слишком большое, на мой взгляд, наследие в виде напыщенных од и унылых стихов.

А вот третий день принес перемены.

– Эви, сегодня вечером мы идем на прием к лорду Стабсу, – заявила мне тетушка, намазывая хрустящий тост тонким слоем масла.

Мы как раз завтракали, и я едва не поперхнулась чаем.

– Что за прием?

– Для узкого круга, – пояснила герцогиня. – Хочу познакомить тебя со своими друзьями. Не волнуйся, там будут милейшие люди.

И это тетушкино «милейшие люди» заставило меня насторожиться еще больше.

– Советую надеть то белое платье, что мы выбрали у Ривери, – продолжила герцогиня, и мои подозрения только окрепли.

Белое платье было чересчур откровенным. На примерке оно показалось мне невероятно красивым, но потом, когда мы вернулись в особняк и я как следует рассмотрела покупки, то подумала, где были мои глаза? Длинный узкий вырез шел до самой поясницы, и выглядел слишком соблазнительным.

– Я распоряжусь, чтобы Мэри его подготовила, – не дожидаясь моего ответа, заявила герцогиня и нажала кнопку звонка. – Мэри, леди Эвелин наденет вечером новое белое платье, – заявила она появившейся горничной.

– Да, миледи.

– Сделаешь леди Эвелин высокую прическу.

– Да, миледи.

– И выпустишь несколько прядей вдоль щек… Впрочем, я сама прослежу, чтобы ты сделала все, как нужно. Эви, а ты пока иди к себе и повтори правителей Кроненгауда и всю знать, начиная с герцога Освийского.

Леди Шарлотта посмотрела на меня и повернулась к горничной.

– Ты еще здесь?

– Простите, миледи.

Мэри поклонилась и исчезла из комнаты, а я представила длинный список кроненгаудских аристократов и вздохнула. Все-таки для такого маленького бывшего королевства у нас их слишком много.

– Эви, я хотела бы серьезно с тобой поговорить, – откладывая нож, сказала герцогиня.

– Да, тетушка?

– Что ты думаешь о лорде Овенбау?

– Не знаю, тетушка. А я должна что-то думать?

– Не дерзи. Постарайся быть с герцогом поласковее. Улыбайся ему почаще, не отказывай в танцах, ну и веди себя, как подобает благовоспитанной юной леди.

– А разве это совместимо? Разве благовоспитанная леди может танцевать больше двух танцев с одним кавалером, если он не является ее женихом?

– Все-таки ты дерзишь, – тон герцогини стал ледяным. – Изволь слушаться. Если не забыла, я твой опекун, и ты должна делать то, что я скажу. И потом, кто говорил обо всех танцах? Думаю, мазурки и вальса будет достаточно.

Леди Шарлотта посмотрела на меня, вынуждая ответить.

– Хорошо, тетушка, я постараюсь, – заставила себя улыбнуться, в то время как внутри все бурлило от возмущения. Но я слишком хорошо помнила холод подвала и не стремилась попасть туда вновь.

– Постарайся, Эви, – кивнула леди Шарлотта. – Постарайся. Лорд Овенбау очень влиятельный человек. Если вы с ним подружитесь, – герцогиня не договорила и со значением посмотрела мне в глаза. – Ты понимаешь меня, Эви?

– Вы предлагаете мне…

Я даже задохнулась от негодования.

– Всего лишь подружиться, Эви, – пошла на попятный герцогиня. – Тебе ведь не сложно лишний раз улыбнуться моему другу?

Голос тетушки прозвучал вкрадчиво.

– Несложно, но зачем это нужно?

– Эви, я предупреждала, чтобы ты не задавала лишних вопросов? – посуровела леди Шарлотта, и чернота ее взгляда стала просто невыносимой.

Мне даже показалось, что она распространилась за пределы глазниц и потянулась к моей груди. – Делай так, как я тебе велю, – приказала герцогиня, и я механически кивнула, не в силах сопротивляться чужой воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.